

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

ТУМАН

Туман пришел в маленький провинциальный городок — ровно бы ниоткуда. Туман сгустился над узенькими улочками, вполз в окна домов. А из тумана вышла — смерть.

Смерть многоликая, вечно голодная, вечно жаждущая человеческой крови! Смерть, имя которой — полчища монстров, слишком страшных не то что для реальной жизни — для кошмарного сна. Смерть, уносящая все новые и новые жизни.

И теперь горстка чудом уцелевших храбрецов укрылась, как в осажденной крепости, за пока еще — пока еще! — безопасными стенами супермаркета. Но из безопасного крошечного бастиона человечности рано или поздно придется выйти — в смертельную схватку с кошмаром...

- [Стивен Кинг](#)

- [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
-

Глава 1

Вот как это произошло. В июле 19** года, в ту ночь, когда на севере Новой Англии наконец спала страшнейшая за всю ее историю жара, в западном регионе штата Мэн разразилась невиданная по силе буря.

Мы жили на озере Лонг-Лейк и заметили, как первые порывы ветра бьют по глади озера перед самым закатом. За час до этого стоял полный штиль. Американский флаг, что мой отец вывесил над лодочным сараем еще в 1936 году, безвольно приник к штоку. Жара стояла плотная, осязаемая и, казалось, такая же глубокая, как вода в озере. После обеда мы все втроем ходили купаться, и даже в воде не было спасения, если не уходить на глубину. Но ни Стеффи, ни я не хотели этого делать из-за Билли. Ему было всего пять лет.

В полшестого мы перебрались на верхнюю террасу с видом на озеро и принялись за холодный ужин, без всякого энтузиазма ковыряя картофельный салат и пережевывая бутерброды с ветчиной. Никто, похоже, не хотел ничего, кроме пепси-колы, стоявшей в железном ведерке с кубиками льда.

После ужина Билли отправился играть, а мы со Стеффи остались на террасе и молча курили, изредка бросая взгляды в сторону Харрисона на противоположном берегу озера. Деревья там стояли пыльные, пожухлые. На западе, словно армия перед наступлением, собирались огромные фиолетовые грозовые тучи, среди которых то и дело вспыхивали молнии. И каждый раз радиоприемник нашего соседа Brenta Нортон, настроенный на станцию, постоянно передающую с горы Вашингтон классическую музыку, откликался громким треском. Нортон имел адвокатскую практику в Нью-Джерси, а на Лонг-Лейк у него был только летний коттедж. Два года назад у нас с ним возник конфликт из-за границы участков, дело пошло в суд, и я выиграл. Как считал Нортон, я выиграл только потому, что он нездешний, и с тех пор отношения между нами оставались довольно прохладными.

Стефф вздохнула и принялась обмахиваться верхним краем купальника.

— Не хочу тебя пугать, — сказал я, — но, думаю, скоро начнется сильная буря.

Она посмотрела на меня с сомнением.

— Вчера тоже были тучи и позавчера, но разошлись...

— Сегодня не разойдутся.

— Ты уверен?

— Если буря будет очень сильной, нам придется спуститься вниз.

— Ты думаешь, она будет сильной?

Мой отец первым построил на этой стороне озера кирпичный дом, где можно было жить круглый год, но в 1938 году буря разрушила его до основания, даже стены не уцелели. Остался только лодочный сарай. Через год отец начал строить новый дом.

— Не знаю, — сказал я, что в общем-то было правдой, поскольку о большой буре тридцать восьмого года знаю только по рассказам. — Но ветер с озера может разогнаться, как скорый поезд.

Чуть позже вернулся Билли, жалуясь, что играть неинтересно, потому что он «весь взмок». Я взъерошил ему волосы и открыл для него еще одну бутылку пепси.

Тучи подбирались все ближе, расталкивая голубизну неба в стороны. Медленно прокатившись над озером и вернувшись назад эхом, прогремел гром. Тучи вились и перекатывались: черные, фиолетовые, полосатые и снова черные. Постепенно они нависали

над озером, и я увидел, как из них опускается тонкая завеса дождя. Но пока еще дождь был далеко, может быть, над Болстерс-Миллс или над Норуэем. Появившийся было ветерок неуверенно поднял флаг, затем снова опустил его. Однако становилось свежее, и вскоре ветер окреп. В этот момент я и увидел бегущий по озеру серебристый смерч. За несколько секунд пелена дождя закрыла собой Харрисон и двинулась прямо на нас.

— Папа! Смотри!

— Пойдем в дом, — я встал и положил ему руки на плечи.

— Но ты видишь? Пап, что это?

— Водяной смерч. Пойдем.

Стефф бросила на меня короткий укоризненный взгляд и сказала:

— Пойдем, Билли. Папу надо слушаться.

Мы прошли в гостинную через раздвижные стеклянные двери, после чего я закрыл их на щеколду и остановился, глядя наружу. Серебристая завеса уже прошла три четверти пути через озеро, превратившись в бешено крутящуюся воронку между осевшим черным небом и поверхностью воды цвета свинца с потеками чего-то белого. Озеро стало похоже на океан. Высокие волны набегали на берег и, разбиваясь о причалы и волнорезы, взлетали фонтанами брызг.

Смерч завораживал. Он почти подобрался к нашему берегу, когда молния полыхнула так ярко, что с полминуты я видел все как на негативной пленке. Я обернулся к своим: жена с сыном стояли возле большого панорамного окна с видом на северо-западную часть озера.

И тут меня посетило одно из тех ужасных видений, которые уготованы лишь мужьям и отцам: стекло, взрывающееся внутрь с тяжелым, похожим на кашель треском; кривые стрелы осколков, летящие в обнаженный живот жены и лицо сына. Я схватил их обоих за руки и рывком оттащил от окна.

— Что вы тут встали, черт побери! Марш отсюда...

Стефф посмотрела на меня удивленно, а Билли выглядел так, словно его только что пробудили из глубокого сна. Я отвел их на кухню и включил свет. И тут налетел ветер. У меня создалось впечатление, что дом взлетает, словно «Боинг-747». Где-то засвистело высоко и протяжно, срываясь на басовый рев перед тем, как снова плавно перейти в пронзительный визг.

— Идите вниз, — прокричал я Стефф. Прямо над домом захлопал гром — словно громадные доски бились друг об дружку. Билли вцепился мне в ногу.

— Ты тоже иди! — Крикнула в ответ Стефф.

Я махнул рукой, прогоняя их. С трудом оторвал Билли.

— Иди с мамой. Я хочу на всякий случай найти свечи.

Он пошел за ней вниз, а я принялся рыться в ящиках. Странные штуки эти свечи. Ты их кладешь каждую весну в определенное место, зная, что из-за летней бури может нарушиться энергоснабжение, но, когда приходит время, они прячутся.

Четвертый ящик. Заводные игрушечные челюсти, купленные для Билли в магазине новинок; куча фотографий, которые Стефф давно уже собиралась наклеить в семейный альбом... Я заглянул под толстенный торговый каталог и пошарил рукой за резиновой куклой, изготовленной на Тайване. Куклу я выиграл, сбивая кегли теннисными мячами...

Свечи, все еще упакованные в полиэтиленовую обертку, оказались за этой самой куклой со стеклянными неживыми глазами. Как раз в тот момент, когда я их нащупал, свет погас. Гостинную то и дело озаряло сериями частых белых и фиолетовых вспышек. Я услышал, как

внизу заплакал Билли, а Стефф начала говорить ему что-то успокаивающее.

Меня потянуло еще раз взглянуть за окно. Смерч или уже прошел, или иссяк, добравшись до берега, но все равно дальше двадцати ярдов на озере ничего не было видно. Вода буквально кипела. Мимо несло чей-то причал, видимо, Джессеров, то разворачивая сваями вверх, то вновь скрывая его под бурлящей водой.

Как только я спустился вниз, Билли обхватил меня за ноги. Я взял его за руки, прижал к себе, потом зажег свечи. Мы сидели в комнате для гостей, через коридор от моего маленького кабинета. Сидели, глядя друг на друга в мигающем желтом свете свечей, и слушали, как буря бьется в наш дом. Минут через двадцать послышался сухой треск дерева, и мы поняли, что где-то рядом упала одна из больших сосен. Затем наступило затишье.

— Все? — Спросила Стефф.

— Может быть, — сказал я. — А может быть, еще нет.

Мы поднялись наверх, каждый со свечой в руке, словно монахи, идущие на вечернюю молитву. Билли держал свою свечу с гордостью: нести огонь — для него это много значило. И помогало забыть, что ему страшно.

Билли давно уже пора было спать, но ни я, ни Стефф не стали заставлять его идти в постель. Мы просто сидели в гостиной, слушали ветер и наблюдали за молниями. Потом Билли пристроился у Стефф на коленях и попытался заснуть.

Примерно через час ветер снова начал крепчать. В течение предыдущих трех недель держалась температура около девяносто градусов, а шесть раз за эти двадцать с лишним дней станция национальной метеорологической службы в Портланд-Джетпорте сообщала, что температура перевалила за сто. Невероятная погода. Плюс суровая зима, плюс поздняя весна, и опять люди заговорили о том, что все это последствия испытаний атомных бомб в пятидесятых годах. Второй шквал оказался не таким сильным, но мы услышали грохот падения нескольких деревьев, ослабленных первой атакой ветра. И, когда он совсем начал стихать, одно из деревьев рухнуло на нашу крышу. Билли вздрогнул и с опаской поглядел на потолок.

— Дом выдержит, малыш, — успокоил я.

Билли неуверенно улыбнулся.

Около десяти налетел последний шквал. Ветер взревел так же громко, как в первый раз, а молнии, казалось, засверкали прямо вокруг нас. Снова падали деревья. Недалеко от воды что-то рухнуло с треском, и Стефф невольно вскрикнула, но Билли все еще безмятежно спал у нее на коленях.

— Дэвид, что это было?

— Я думаю, лодочный сарай.

— О, боже...

— Стеффи, пойдем вниз. — Я взял Билли на руки. Стефф смотрела на меня большими испуганными глазами.

— Дэвид, все будет хорошо?

— Да.

— Правда?

— Правда.

Мы отправились вниз. И через десять минут, когда шквал достиг максимальной силы, сверху донесся грохот и звон разбитого стекла: разбилось панорамное окно. Так что привидевшаяся мне сцена может быть, вовсе и не была столь нелепой. Стефф, которая к

тому времени задремала, вскрикнула и проснулась. Билли заворочался в постели.

— В комнату попадет дождь, — сказала она. — Мебель испортит...

— Попадет — значит, попадет. Мебель застрахована.

— Мне от этого не легче, — произнесла она расстроено. — Шкаф твоей матери... Наш новый диван... Цветной телевизор...

— Ш-ш-ш, — сказал я. — Спи.

— Не могу, — ответила она, но минут через пять уснула.

Я не ложился еще с полчаса, оставив для компании горящую свечу, и слушал, как бродит, бормоча, на улице гром. Нетрудно было представить, как завтра утром множество людей, живущих вокруг озера, начнут вызывать своих страховых агентов, как зажужжат бензопилы владельцев домов, чьи крыши и окна порушило падающими деревьями, как на дорогах появятся оранжевые машины энергокомпании.

Буря стихала, и, кажется, нового шквала не предвиделось. Оставив Стефф и Билли, я поднялся наверх посмотреть, что стало с комнатой. Раздвижная дверь выдержала, но там, где было панорамное окно, зияла рваная дыра, из которой торчали ветки березы — верхушка старого дерева, стоявшего с незапамятных времен во дворе у входа в погреб. И я понял смысл реплики Стефф, когда она говорила, что ей легче не будет от того, что все застраховано. Я любил это дерево. Много суровых зим мы пережили с ним — единственной березой на нашем берегу, которую я никогда даже и не думал спиливать. В лежащих на ковре больших кусках стекла многократно отражалось пламя свечи, и я подумал, что нужно будет предупредить Стефф и Билли, ведь оба они любили шлепать по утрам босиком. Я пошел вниз. В ту ночь мы все трое спали на кровати для гостей: мы со Стефф по краям, Билли между нами.

Утро было ясное и чистое, как звук колокола. Дул легкий ветерок, от которого по дороге весело бегали чередующиеся пятна солнечного света и теней от деревьев.

— О-о-о!.. — Вырвалось у Билли.

Он стоял у забора, отделявшего нас от участка Нортон, и смотрел вдоль подъездной аллеи, ведущей к нашему дому. Аллея эта, длиной около четверти мили, в свою очередь выходит на двухрядное шоссе, называющееся Канзас-Роуд. Оттуда уже вы можете ехать куда угодно или по крайней мере до Бриджтона. Я взглянул в ту же сторону, куда смотрел Билли, и у меня похолодело на сердце.

— Ближе не подходи, малыш. Даже здесь уже опасно.

Билли спорить не стал.

Недалеко от того места, где стоял Билли, из травы доносилось шипение, и на первый взгляд могло показаться, что там извивается клубок змей: ведущие к нашему дома провода оборвались и лежали теперь беспорядочными витками всего в двадцати футах от нас на участке выжженной травы. Изредка они лениво переворачивались и плевались искрами. Если бы пронесшийся ливень не промочил деревья и траву столь основательно, дом мог бы загореться. А так на траве образовалась лишь проплешина, где спутались провода.

— Лектричесво может убить человека, пап?

— Да. Может.

— А что мы с ним будем делать?

— Ничего. Пождем машину энергокомпании.

— А когда они приедут?

— Не знаю. — У пятилетних детей вопросов бывает хоть отбавляй. — Думаю, сегодня утром у них полно забот. Хочешь пройтись со мной до конца аллеи?

Он двинулся со мной, потом остановился, с подозрением глядя на провода. Один из них вдруг выгнулся и лениво перевернулся словно приманивая к себе.

— Пап. А лектричество может пройти через землю?

Справедливый вопрос.

— Да, но не беспокойся. Электричеству нужна земля, а не ты. Все будет в порядке, если ты не станешь подходить близко к проводам.

— Земля нужна... — Пробормотал он, подбежав ко мне, и мы, взявшись за руки, пошли вдоль аллеи.

Все оказалось несколько хуже, чем я ожидал. В четырех местах на дороге упали деревья: одно маленькое, два средних и еще одно совсем старое, толщиной, наверное, футов в пять, облепленное мхом, словно гнилым корсетом.

Повсюду валялись ветки с ободранными листьями, и мы с Билли дошли до самой грунтовой дороги, отбрасывая в сторону те, что были не очень большие.

— Пап, можно я пойду к озеру?

Он устал бросать ветки, а когда ребенок устает что-то делать, единственный разумный способ занять его — это разрешить делать что-нибудь другое. Мы вместе вернулись к дому, и оттуда Билли побежал направо, обогнув дом и упавшие провода по широкой дуге, а я пошел налево к гаражу. Как я и предвидел, вдоль всего берега озера уже запели свою

заунывную песню бензопилы соседей. Я залил бачок пилы бензином, снял рубашку и двинулся было к аллее, но тут, озабоченно глядя на повалившиеся деревья, вышла из дома Стефф.

— Как дела?

— Справляюсь. Как дома?

— Я убрала стекла, но, Дэвид, ты должен сделать что-нибудь с березой. Дерево в гостиной будет нам мешать.

— Пожалуй, ты права, — преувеличенно серьезно сказал я.

Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. Я поставил пилу на бетонированную площадку и поцеловал Стефф.

— Не надо, — прошептала она. — Билли...

В тот же момент он выскочил из-за угла дома.

— Папа! Папа! Иди посмотри...

Стеффи заметила оборванные провода и закричала, чтобы он был осторожнее. Билли, бежавший достаточно далеко от них, остановился.

— Все в порядке, мама, — произнес он тоном, каким люди обычно успокаивают очень старых и глупых, и двинулся к нам, демонстрируя, что с ним действительно все в порядке.

— Не волнуйся, — сказал я Стефф. — Он предупрежден.

— Да, но людей постоянно убивает ток, — возразила она. — По телевизору постоянно предупреждают про оборванные провода... Билли, немедленно иди домой!

— Да ладно тебе, мама... Я хочу показать папе лодочный сарай. — Глаза его просто лезли из орбит от возбуждения.

— Иди домой! Эти провода опасны и...

— Папа сказал, что им нужна земля, а не я...

— Билли, не спорь со мной!

— Я сейчас приду посмотрю, малыш. Ты пока беги... — Я почувствовал, как напряглась Стефф, — ... С другой стороны дома.

— Ага. Ладно.

Он пронесся мимо нас. Рубашка вылезла у него из брюк. Он скрылся за углом, и вскоре оттуда донеслось еще одно «О-о-о!», свидетельствующее о том, что он обнаружил новые следы разрушения.

— Билли знает про провода, — сказал я Стефф, положив руки ей на плечи. — Он их боится, и это хорошо, потому что так он будет в безопасности.

По ее щеке скатилась слеза.

— Я тоже боюсь, Дэвид.

— Ну что ты. Все уже кончилось.

— Ты уверен? Зима была плохая... И поздняя весна... В городе ее называют «Черной весной», говорят, такого в нынешних местах не было с 1888 года...

«Говорят» — это наверняка имеется ввиду миссис Кармоди, владелица «Бриджтонского антиквариата», магазинчика со всяким хламом, в который Стефф иногда заглядывала. Билли всегда с радостью ходил с ней. Там, в глубине магазинчика, в одной из пыльных комнат «жили» чучела сов с окаймленными золотым блеском глазами, навсегда расправившие крылья и ухватившиеся лапами за полированные сучья, трио енотов, стоящих у «ручья», сделанного из длинного куска покрывшегося пылью зеркала, и даже изъеденное молью чучело застывшего в ледящем душу вечном молчаливом рыке волка, из пасти которого

вместо слюны падали опилки. Миссис Кармоди уверяла, что волка еще в 1901 году застрелил ее отец, когда зверь пришел напиться у ручья Стивен-Брук.

Эта экспедиция в антикварную лавку доставляли и жене, и сыну массу удовольствия. Стефф отводила душу, перебирая стеклянные украшения, а Билли изучал «Смерть во имя таксидермии». Однако мне всегда казалось, что старуха довольно неприятным образом влияет на здравомыслие Стефф, которая во всех других отношениях была практична и рациональна. Старухе просто удалось найти ее слабое место, «ахиллесову пяту» ее натуры. Впрочем, в городе Стефф оказалась не единственным человеком, кого миссис Кармоди удалось приворожить своими предсказаниями и народными рецептами (которые всегда прописывались именем божьим).

Вода из гнилого пня поможет вам избавиться от синяков под глазами, если ваш муж из тех, что после третьей рюмки распускают руки. Зиму предсказать вы сможете, сосчитав в июле количество сегментов на гусеницах или измерив толщину пчелиных сот в августе. А сейчас, боже спаси и сохрани, вновь наступила ЧЕРНАЯ ВЕСНА 1888 ГОД (восклицательных знаков поставьте сколько вам захочется). Я тоже слышал эту историю. Ее здесь любят рассказывать: если весна будет достаточно холодная, лед на реке станет черным, как гнилой зуб. Редкое, конечно, явление, но едва ли из тех, что случаются раз в столетие. Тем не менее всю эту историю рассказывают, но я сомневаюсь, чтобы кто-нибудь, кроме миссис Кармоди, мог рассказывать ее с такой убедительностью.

— Была обычная плохая зима, потом поздняя весна. Теперь наступило жаркое лето. Прошла буря, но теперь все кончилось. Ты же всегда умела рассуждать здраво, Стефф.

— Это была не обычная буря, — сказала она неожиданно хриплым голосом.

— Хорошо. Здесь я с тобой соглашусь.

Рассказ о «Черной весне» мне довелось услышать от Билла Джости, владельца и в некотором смысле управляющего «Мобил Джости» в Каско Виллидж.

Стефф снова с сомнением поглядела на упавшие провода.

— Когда приедут люди из энергокомпании?

— Как только смогут. Скоро. И не беспокойся о Билли. У него голова на месте. Он, может быть, забывает иногда убрать свою одежду, но, уверяю тебя, не будет бегать среди проводов под напряжением. Он прекрасно понимает, что такое опасность. — Я коснулся пальцем уголка ее рта, и он послушно двинулся чуть вверх, рождая улыбку. — Уже лучше?

— Когда я поговорю с тобой, мне всегда становится лучше, — сказала она, и от этого мне тоже стало лучше.

— Тогда пойдем осмотрим развалины.

— Для этого, — фыркнула Стефф, печально улыбнувшись, — мне достаточно пройти в гостиную.

— Ну тогда просто доставь малышу удовольствие.

Мы двинулись вниз по каменным ступеням и только дошли до первого поворота, как навстречу нам, едва не сбив с ног, вылетел Билли.

— Ты что так носишься? — воскликнула Стефф, нахмурясь. Может быть, ей представилось, как он, не рассчитав, влетает в этот страшный клубок искрящихся проводов.

— Идите скорее! — задыхаясь, закричал Билли. — Лодочный сарай раздавило! Пристань выкинуло на камни, а в бухте деревья. Черт знает что!

— Билли Дрэйтон! — негодуяще прикрикнула Стефф.

— Ой, больше не буду, мам... Идите скорее... Там... — И он снова исчез.

— «Произнесся мрачное пророчество, он удалился», — сказал я и Стефф рассмеялась. —

Пожалуй, как только распилю деревья на дороге, я сгоняю в контору «Энергоцентра Мэна» на Портланд-Роуд и расскажу им, что у нас тут случилось, о'кей?

— О'кей. — Она обрадовалась. — Когда ты сможешь поехать?

— Если не считать того большого дерева в корсете из мха, работы было от силы на час.

Но с ним я думал справиться не раньше одиннадцати.

— Тогда я принесу тебе ленч. Но ты должен будешь заехать в магазин и кое-что купить... У нас почти кончилось молоко и масло. И потом... Короче, я напишу тебе список.

Обняв Стефф за плечи, я кивнул, и тут мы дошли до угла дома. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, от чего Билли пришел в такое возбуждение.

— Боже, — слабым голосом произнесла Стефф.

С небольшой возвышенности, где мы стояли, отлично просматривалось почти четверть мили побережья: участок Биббера слева, наш участок и участок Брента Нортонa справа.

Огромная старая сосна, что охраняла нашу лодочную гавань, сломалась пополам. То, что осталось, торчало из земли, словно неаккуратно заточенный карандаш, и поблескивающая на изломе древесина казалась незащитно белой по сравнению с потемневшей от времени и непогоды корой. Верхняя же половина старой сосны, около ста футов длиной, рухнула и наполовину ушла под воду в нашей мелкой бухте. Нам здорово повезло, подумал я, что наш катер «Стар-Крузер» не затонул под ней: неделю назад мотор катера начал барахлить, и я отогнал его в Нейплс, где он до сих пор терпеливо дожидался ремонта. На другом конце нашего маленького участка берега лежали обломки лодочного сарая, раздавленного вторым деревом. Тут я увидел, что упавшее дерево росло на участке Нортонa, и меня охватило негодование. Это дерево высохло еще лет пять назад, и Нортону давно следовало его спилить. Теперь же оно упало само. Тонкие планки из пробитой деревом дыры разбросало ветром по всему берегу. Когда Билли сказал, что сарай раздавило, он не сильно погрешил против истины.

— Это дерево Нортонa! — Сказала Стефф, и в голосе ее чувствовалось такое негодование, что я улыбнулся, несмотря на собственную боль в душе.

Шток с флагом упал в воду и плавал вместе с запутавшимся шнуром. Разглядывая все это, я представил себе ответ Нортонa: «А ты подай на меня в суд!»

Билли забрался на волнорез, разглядывая выброшенный на камни причал, покрашенный в голубую и желтую полосы. Оглянувшись через плечо, он радостно закричал:

— Это, наверное, причал Мартинсонов, да?

— Он самый, — сказал я. — Большой Билл, как насчет того, чтобы слазить в воду и выудить флаг?

— Сейчас!

Билли полез за флагом. И остановился. В тот же момент я почувствовал, как насторожилась Стефф, и заметил причину этого сам. Весь берег со стороны Харрисона исчез под полосой тумана. Даже намек на береговую линию не было видно, но за долгие годы жизни здесь я столько раз смотрел на противоположный берег Лонг-Лейк, что мне казалось, будто ровная словно вычерченная по линейке полоса тумана скрыла всего несколько ярдов воды.

— Что это, папа? — крикнул Билли, стоя по колено в воде и пытаясь дотянуться до вымокшего флага.

— Туман.

— На озере? — с удивлением спросила Стефф, и я увидел в ее глазах отблеск влияния миссис Кармоди. Черт бы побрал эту старуху!

— Ну да. Ты никогда раньше не видела тумана на озере?

— Такого никогда. Он больше похож на облако.

— Это оттого, что свет яркий, — сказал я. — То же самое можно увидеть, пролетая над облаками на самолете.

— Но откуда он взялся? Туман бывает здесь только в сырую погоду.

Я взглянул на разрушенный сарай, потом посмотрел на полосу тумана. Мне показалось, что он приблизился, но за это я бы не поручился. Если он приближался, то опровергал все законы природы, потому что ветер — легкий бриз — дул с нашей стороны. Туман был белым-белым. Единственное, с чем я мог его сравнить, это с только что выпавшим снегом, ослепительно контрастирующим с глубокой голубизной зимнего неба. Но снег всегда отражает тысячи и тысячи алмазных лучиков солнца, а этот странный яркий и чистый туман не блестел совсем. Несмотря на то, что говорила Стефф, туман в ясные дни не такое уж редкое явление, но, когда его много, от взвешенной в воздухе влаги почти всегда в воздухе возникает радуга. Сегодня радуги не было.

Снова вернулось какое-то тяжелое предчувствие, но не успело окрепнуть, как я услышал низкое механическое «чух-чух-чух», за которым последовало едва слышное: «Дьявол!» Механический звук повторился, но человек смолчал. В третий раз последовало: «Чтоб тебя!», произнесенное тем же тоном. Тонем человека, решившего самостоятельно справиться с трудной задачей и быстро в этом решении разочаровавшегося.

«Чух-чух-чух...»

Я невольно улыбнулся. Звук хорошо разносится здесь, жужжащие бензопилы были далеко, и я без труда узнал не особенно приятный голос моего соседа, Брента Нортон.

Спустившись ближе к воде, я сделал вид, что просто иду к причалу, выброшенному на наш волнорез. Отсюда Нортон уже стало видно. Он стоял на усыпанной старыми сосновыми иглами прогалине у веранды, одетый в заляпанные краской джинсы и спортивную майку. Сорокодолларовая его прическа совершенно потеряла форму, он пытался завести свою пилу. В глубине души я даже немного обрадовался, увидев, что на его стол, предназначенный для пикников, упала желтая береза и разломила его на две части.

Нортон снова рванул трос стартера.

«Чух-чух-чух-чух-чух-чох! Чох! Чох!.. Чох! Чух!»

Почти удалось, приятель.

Еще один рывок, достойный Геркулеса.

«Чух-чух-чух».

— Скотина! — яростно прошептал Нортон, обзлившись на свою шикарную бензопилу.

Я отвернулся, чувствуя себя по-настоящему хорошо в первый раз за все утро. Моя пила завелась с первого же рывка, и я принялся за работу.

Около десяти кто-то постучал меня по плечу. Я обернулся и увидел Билли с банкой пива в одной руке и списком, составленным Стефф, в другой. Засунув список в задний карман джинсов, я взял у него банку пива, не то чтобы совсем ледяного, но по крайней мере холодного, и одним глотком махнул сразу половину.

— Спасибо, малыш.

— Мама что-то приписала внизу, но я не смог разобрать ее почерк, — сказал Билли.

Я достал листок из кармана. «Никак не поймаю „Воксо“ по радио, — написала Стефф. — Может, после бури они не могут выйти в эфир?»

«Воксо» — местная автоматическая станция, транслирующая рок-музыку в длинноволновом диапазоне. Станция передает из Норуэйя, что примерно в двадцати милях к северу, но это почти все, что берет наш старый слабенский приемник.

— Скаже маме: «Может быть», — поручил я Билли, предварительно прочитав ему сам вопрос. — И пусть она попробует поймать Портланд на коротких волнах.

— О'кей. Пап, а мне можно будет поехать с тобой в город?

— Конечно. И тебе, и маме, если она захочет.

— О'кей! — Он бросился к дому с пустой банкой в руке.

Добравшись наконец до большого дерева, я сделал первый пропилил, затем заглушил пилу, чтобы дать ей немного остыть. Дерево было для нее слишком большим, но я полагал, что справлюсь, если не буду пороть горячку. Неожиданно я подумал, а расчищена ли дорога, ведущая к шоссе Канзас-Роуд, и как раз в тот момент в просвете между деревьев мелькнул оранжевый грузовик энергокомпании, видимо, направлявшийся в дальний конец нашего маленького отрезка дороги. Значит, все в порядке, и к полудню, можно надеяться, люди из энергокомпании будут у нас и займутся проводами.

Я отпилил большой кусок ствола, оттащил его к краю дороги и подумал, что было бы неплохо выпить еще пива: одна банка только растревает душу. Затем снова взялся за пилу, но меня продолжали преследовать тревожные мысли насчет «Воксо». Именно оттуда надвигался этот странный туман. И там же был городок Шеймор, где размещался «Проект Стрела».

Этот самый «Проект Стрела» служил у Билли Джости одной из версий «Черной весны». В западной части Шеймора, недалеко от того места, где город граничит с Стонхеном, действительно находился принадлежащий правительству участок земли, обнесенный колючей проволокой. Зона охранялась часовыми.

Никто не знал, откуда, собственно, взялось название «Проект Стрела», и никто не мог сказать с уверенностью, действительно ли это название проекта и ведутся ли там вообще какие-нибудь работы. Однако Билл Джости утверждал, что ведутся, но, когда я спросил его, каким образом и откуда он это узнал, начал крутить: якобы его племянница работает в телефонной компании «Континенталь» и слышит порой разные вещи. Он всегда отвечал в таком духе.

— Это все атомные дела, — сказал он как-то, дохнув на меня мощным пивным духом. — Вот этим они там и занимаются. Атомы в воздух пуляют и все такое.

— Мистер Джости, в воздухе и так полно атомов, — влез в разговор Билли. — Так сказала миссис Нири. Она говорила, что атомов полно везде.

Билл Джости уставился на моего сына долгим взглядом своих покрасневших глаз, отчего Билли в конце концов сник.

— Это совсем *другие атомы*, сынок.

— А-а-а, да... — Пробормотал Билли, не вступая в спор.

— Дик Мюллер, наш страховой агент, говорил, что «Проект Стрела» — это опытная сельскохозяйственная станция, выполняющая работу для правительства, не более того.

— Крупные томаты, способные плодоносить длительное время, — изрек Дик глубокомысленно и вернулся к разъяснениям по поводу того, как я могу наиболее эффективным образом помочь своей семье, если умру молодым.

Миссис Кармоди... Она, пожалуй, больше склонялась к мнению Билла Джости: не просто атомы, а другие атомы.

Я отпилил еще два куска дерева, потом снова пришел Билли с банкой в одной руке и запиской от Стефф в другой. Если и есть какое-нибудь дело, которое Большой Билл любит больше, чем бегать с поручениями, то я просто не представляю, что это может быть.

— Спасибо, — сказал я, забирая у него пиво и записку.

— А мне можно будет глоток?

— Только один. В прошлый раз ты сделал два. Я не могу допустить, чтобы ты бежал пьяный в десять утра.

— Уже четверть одиннадцатого, — сказал он смущенно. Я улыбнулся в ответ: не бог весть какой юмор, но Билли так редко пытается шутить. Затем я прочитал записку. «Поймала Джей-Ви-Кью, — писала Стефф. — Не напивайся, пока не съездишь в город. Я разрешаю тебе еще одну банку, но до ленча это все. Как ты думаешь, дорога свободна?»

Я отдал записку Билли.

— Скажи маме, что с дорогой все в порядке, потому что я видел, как прошел грузовик энергокомпании. Скоро они доберутся и сюда.

— О'кей.

— Малыш?

— Что, пап?

— Скажи маме, что все в порядке.

Он снова улыбнулся, словно сначала повторил все это для себя, сказал «О'кей» и бросился бегом к дому.

Я стоял и глядел, как мелькают подошвы его кефов. Я люблю его. Что-то есть в его лице и в том, как он смотрит на меня, отчего мне начинает казаться, что в жизни все порядке. Конечно, это ложь: в нашем мире никогда не бывает все в порядке и никогда не было. Но мой сын дает мне возможность поверить в эту ложь.

Я отпил немного пива, осторожно поставил банку на камень и взялся за пилу. Минут через двадцать кто-то легонько постучал мне по плечу, и я обернулся, ожидая снова увидеть Билли. Но оказалось, что это Brent Нортон, и я заглушил пилу.

Выглядел он совсем не так, как обычно. Он был потный, уставший, несчастный и немного ошарашенный.

— Привет, Brent, — сказал я.

Последний раз мы с ним разговаривали довольно резко, и я не знал, как сейчас себя вести. У меня появилось забавное ощущение, что он стоял в нерешительности за моей спиной последние пять минут и старательно прочищал горло. Этим летом я его даже толком не видел. Он похудел, но выглядел не лучше обычного. Жена его умерла в прошлом ноябре. От рака, как сообщила Стефф Агги Биббер, которая все про всех знает. В каждой округе есть такие. Из того, как Нортон обычно изводил и унижал свою жену (делая это с легкой презрительностью матадора-ветерана, всаживающего бандерильи в тело старого неуклюжего быка), я заключил, что он будет даже рад этой развязке. Если бы меня спросили, я мог бы предположить, что он появится на следующее лето под руку с девицей лет на двадцать моложе его и с глупой сальной улыбкой на лице. Но вместо глупой улыбки у него лишь прибавилось морщин, и вес сошел как-то не в тех местах, где нужно, оставив мешки, складки и наплывы. На какое-то мгновение мне захотелось отвести его на солнце, посадить рядом с упавшим деревом, дать ему в руку банку пива и сделать угольный набросок портрета.

— Привет, Дейв, — ответил он после продолжительного неловкого молчания, показавшегося еще более гнетущим без треска бензопилы. Он помолчал еще, потом буркнул: — Это чертово дерево. Извини. Ты был прав...

Он издал какой-то странный звук. Губы его шевельнулись, словно у беззубого старика, пережевывающего даты прошлого. Секунду мне казалось, что он вот-вот заплачет беспомощно, как ребенок в песочнице, но он кое-как справился с собой, пожал плечами и отвернулся, будто бы поглядеть на отпиленные мною куски ствола.

— Послушай, Дэйв, может быть, ты одолжишь мне машину сгонять в город. Я хочу купить хлеба, каких-нибудь закусок и пива. Много пива.

— Мы с Билли тоже собирались в город, — сказал я. — Если хочешь, поедешь с нами. Только тебе придется помочь оттащить с дороги то, что осталось от дерева.

— С удовольствием.

Он ухватился за один конец ствола, но не смог даже приподнять его, и почти всю работу пришлось делать мне. В конце концов нам удалось скинуть сосну в заросли внизу. Нортон пыхтел и никак не мог отдышаться, щеки его стали совсем пунцовыми. А перед этим он еще столько раз дергал стартер своей пилы, что я начал немного беспокоиться, не случилось бы у него что-нибудь с сердцем.

Из дома вышла Стефф, и на секунду на ее лице застыло удивление, когда она увидела, с кем я иду. Нортон улыбнулся, ползая взглядом по ее плотно обтягивающей грудь кофточке. Все-таки он не сильно изменился.

— Привет, Брент, — сказала она настороженно, и из-под ее руки тут же высунул голову Билли.

— Привет, Стеффани. Привет, Билли.

— Он поедет в город с нами.

— Наверное, на это уйдет какое-то время. Может быть, вам придется заехать в магазин в Норуэйе.

— Почему?

— Ну если в Бриджтоне нет электричества...

— Мама сказала, что все кассовые аппараты работают на электричестве, — пояснил Билли.

— Что ж, справедливо.

— Ты еще не потерял список?

Я похлопал себя по карману, и Стефф перевела взгляд на Нортон.

— Мне было очень жаль, когда я узнала про вашу жену. Нам всем было очень жаль...

— Спасибо, — сказал он. — Спасибо вам.

Затем наступил еще один период неловкого молчания, которое нарушил Билли.

— Мы уже можем ехать, папа? — Он успел переодеться в новые джинсы и кеды.

— Да, пожалуй. Ты готов, Брент?

— Если можно, одно пиво на дорожку, и я готов.

Стефф чуть нахмурилась. Она никогда не одобряла мужчин, которые водят машину, зажав между ног банку с пивом. Я едва заметно кивнул ей, и она, пожав плечами, принесла Нортону банку. Я не хотел сейчас спорить с ним.

— Благодарю, — сказал он Стеффи, даже не благодаря на самом деле, а только пробормотав это слово, словно разговаривал с официанткой в ресторане. Потом повернулся ко мне. — Вперед, Макдуф!

— Минутку, — сказал я, направляясь в гостиную.

Нортон двинулся за мной, начал охать по поводу березы, но в тот момент меня не интересовали ни его впечатления, ни стоимость нового стекла. Я посмотрел в сторону озера через окно, выходящее на террасу. Ветер немного окреп, и, пока я пилил деревья, стало теплее градусов на пять. Я думал, что странный туман наверняка разойдется, но этого не произошло. Более того, он стал ближе, добравшись до середины озера.

— Я тоже его заметил, — изрек Нортон с важным видом. — Надо думать, это какая-нибудь температурная инверсия.

Мне это не нравилось. Никогда в жизни я не видел ничего подобного. Меня беспокоила удивительно прямая линия фронта наступающего тумана, потому что в природе не бывает таких линий: прямые грани — это изобретение человека. К тому же настораживала его ослепительная белизна, непрерывная и без влажного блеска. До тумана теперь оставалось всего полмили, и контраст между ним и голубизной неба и озера стал еще более поразительным.

— Поехали, пап! — Билли потянул меня за штанину.

Мы все вернулись на кухню, и по пути Нортон еще раз окинул взглядом дерево, вломившееся в нашу гостиную.

— Жалко, что это не яблоня, а? — сострил Билли. — Это моя мама сказала. Здорово, да?

— Твоя мама просто прелесть, Билли, — сказал Нортон, взъерошив ему волосы машинальным жестом, и его взгляд снова вернулся к кофточке Стефф. Нет, определенно он не тот человек, который мог бы мне понравиться.

— Слушай, а почему бы тебе не поехать с нами, Стефф? — спросил я. Сам не знаю почему, я вдруг не захотел ее оставлять.

— Нет, я, пожалуй, останусь и займусь сорняками в саду, — ответила она. Взгляд ее скользнул к Нортону, потом снова перешел на меня. — Сегодня утром, похоже, я здесь единственная машина, которой не требуется электричество.

Нортон рассмеялся, слишком громко и неискренне. Я понял, что она хочет сказать, но на всякий случай попробовал еще раз.

— Ты точно не поедешь?

— Точно, — ответила она твердо. — И потом, немного упражнений мне не повредит.

— Ладно, только на солнце долго не сиди.

— Я надену соломенную шляпу. К приезду наделаю вам сэндвичей.

— Отлично.

Она подставила щеку для поцелуя.

— Осторожнее там... На Канзас-Роуд тоже могут быть поваленные деревья.

— Буду осторожен.

— И ты тоже, — сказала она Билли и поцеловала его в щеку.

— Хорошо, мама, — он вылетел на улицу, с грохотом захлопнув дверь.

Мы с Нортоном вышли за ним.

— Может, нам отправиться к тебе и перепилить это дерево, что упало на твою машину? — спросил я, неожиданно для себя начав придумывать причину, чтобы отложить поездку в город.

— Не хочу даже смотреть на него до тех пор, пока не перекушу и не приму еще банку-другую, — сказал Нортон. — Что случилось, то уже случилось, Дэйв.

Мы забрались все втроем на переднее сиденье «Скаута», и я задним ходом выехал из гаража. Под колесами захрустели сорванные бурей ветки. Стефф стояла на бетонной дорожке, ведущей к грядкам в западном конце нашего участка. В одной руке она держала садовые ножницы, в другой тляку. На голову она надела старую мятую панаму, и лицо ее было в тени. Я дал два коротких гудка, она помахала в ответ рукой, в которой держала ножницы, и мы выехали на дорогу.

С тех пор я ее не видел...

Шоссе Канзас-Роуд оказалось свободным от завалов, но в некоторых местах мы видели оборванные провода, а примерно в четверти мили за туристским лагерем «Бикки-Линн» в канаве лежал столб, у верхушки которого толстые провода спутались в какой-то дикой прическе.

— Однако, нам досталось от непогоды, — сказал Нортон своим гладким, натренированным в судебных заседаниях голосом, но сейчас он не работал на публику, а просто, видимо, был озабочен.

— Да уж.

Нортон допил пиво, раздавил банку рукой и, не задумываясь, бросил ее на пол «Скаута». Билли принялся крутить ручки радиоприемника, и я попросил его посмотреть, вернулось ли в эфир «Воксо». Он прогнал до конца длинноволнового диапазона, но, кроме нудного гудения, ничего не поймал, и я попытался вспомнить, какие еще станции располагались по эту сторону странного тумана.

— Попробуй «ВБЛМ», — сказал я.

Он прогнал движок в другую сторону, пройдя через передачи еще двух станций. Эти передавали, как обычно, но «ВБЛМ», основная станция в Мэне, специализирующая на прогрессивном роке, молчала.

— Странно, — сказал я.

— Что — странно? — спросил Нортон.

— Нет, ничего. Просто мысли вслух.

Билли вернулся к одной из музыкальных станций, и довольно скоро мы приехали в город.

Прачечную «Нордж» в торговом центре закрыли, поскольку без электричества в автоматической прачечной делать нечего, но Бриджтонская аптека и супермаркет «Федерал Фудс» работали. Как всегда в середине лета, на автостоянке перед супермаркетом было полно машин, и среди них было много с номерами других штатов. Тут и там на солнцепеке стояли небольшие группы людей, видимо, обсуждали бурю, женщины с женщинами, мужчины с мужчинами.

Я заметил миссис Кармоди, повелительницу чучел и проповедницу воды из трухлявого пня. Одета в ослепительный канареечного цвета брючный костюм, она вплыла в двери супермаркета. Сумка, размерами похожая скорее на чемодан, висела у нее через руку. Потом какой-то идиот в джинсовой куртке, зеркальных очках и без шлема с ревом пронесся мимо меня на «Ямахе», едва не задев передний бампер.

— Глупая скотина! — прорычал Нортон.

Я объехал стоянку по кругу, подыскивая место получше. Мест не было, и я уже совсем решился на долгую прогулку пешком из дальнего конца стоянки, когда мне повезло: из ряда, ближайшего ко входу в супермаркет, начал выбираться «Кадиллак» размером с автобус. Как

только он освободил место, я мгновенно занял его. Список покупок я вручил Билли. Хотя ему всего пять, он умеет читать печатные буквы.

— Бери тележку и начинай. Я попробую позвонить маме. Мистер Нортон тебе поможет. Я скоро.

Мы выбрались из машины, и Билли сразу же схватил Нортона за руку. Мы давным-давно приучили его не ходить по автостоянке без взрослых, и он до сих пор не забыл этого. Нортон сначала удивился, но потом улыбнулся, и я почти простил ему то, как он ощупывал глазами Стефф.

Я двинулся к телефону, что находился между аптекой и прачечной. Какая-то, видимо, изнемогающая от жары женщина в фиолетовом купальнике стояла у телефона и непрерывно дергала за рычаг. Остановившись за ее спиной, я сунул руки в карман, размышляя, почему я так волнуюсь за Стефф и почему это волнение как-то связано с линией белого матового тумана, замолчавшими радиостанциями и «Проектом Стрела».

Женщина с обгоревшими, покрытыми веснушками полными плечами выглядела, как вспотевший оранжевый ребенок. Она швырнула трубку на рычаг, повернулась к аптеке и тут заметила меня.

— Не тратьте деньги. Одно только «ту-ту-ту», — сказала она раздраженно и пошла прочь.

Я чуть не хлопнул себя по лбу. Конечно же, где-нибудь оборвало и телефонные провода. Часть из них проложена под землей, но ведь далеко не все. На всякий случай я попробовал позвонить. Телефоны-автоматы в здешних местах из тех, что Стефф называет «параноидными». Вместо того, чтобы сразу опустить туда десять центов, вы сначала слышите гудок, потом набираете номер. Когда кто-то отвечает, телефон автоматически отключает звук, и вы должны срочно, пока там не повесили трубку, запихнуть свою монету. Это раздражает, но в тот день я действительно сэкономил десять центов. Как сказала дама в купальнике, только «ту-ту-ту».

Толкнув дверь, я вошел в магазин и первым делом заметил, что кондиционеры не работают. Летом их включают так, что, если пробудешь в магазине больше часа, наверняка что-нибудь себе отморозишь.

Как все современные супермаркеты, «Федерал» больше всего напоминал лабиринт, где волей современной техники торговли все покупатели превращаются в подопытных белых крыс. То, что вам действительно нужно, например, такие продукты, как хлеб, молоко, мясо, пиво, замороженные обеды, — все это находится в самом дальнем конце магазина, и, чтобы туда попасть, вам нужно пройти мимо того, что покупается под влиянием момента, мимо всех «ненужных» предметов, начиная от зажигалок и кончая резиновыми костями для собак.

Я двинулся вдоль стеллажей, потом свернул налево и нашел своих только в третьем проходе, где Билли остановился в задумчивости перед упаковками желе и концентрата для пудинга. Нортон стоял у него за спиной, заглядывая в список в таком замешательстве, что я невольно улыбнулся.

Я стал пробираться к ним мимо наполовину загруженных тележек (очевидно, Стефф была не единственной, у кого сработал беличий инстинкт) и обирающих стеллажи покупателей. Нортон выбрал две банки начинки для пирога и положил их в тележку.

— Как успехи? — Спросил я, и Нортон оглянулся с видом явного облегчения.

— Все в порядке, да, Билли?

— Конечно, — сказал Билли и, не удержавшись, добавил довольно ехидным тоном: —

Правда, здесь записано еще много такого, что мистер Нортон тоже не смог разобрать.

Возле каждого пункта, что они с Билли выполнили, Нортон поставил по-адвокатски аккуратную галочку — примерно с полдюжины, включая молоко и упаковку кока-колы. Оставалось еще с десятков различных продуктов.

— Придется нам вернуться во «Фрукты и овощи», — сказал я. — Маме нужны помидоры и огурцы.

Билли принялся разворачивать тележку, когда Нортон сказал:

— Ты лучше посмотри, какая там очередь, Дэйв.

Я пошел смотреть. Такое можно иногда увидеть лишь в газете на фотографии с какой-нибудь забавной надписью в дни, когда им больше нечего напечатать. Работали только две кассы, и двойная очередь людей с покупками тянулась мимо почти опустевших хлебных стеллажей, загибалась вправо и исчезала из вида за рефрижераторами с замороженными продуктами. Новенькие компьютеризованные кассовые аппараты стояли под чехлами, а на контроле две уже измучившиеся девушки подсчитывали стоимость покупок на батарейных калькуляторах. Рядом с ними стояли двое служащих супермаркета, Бад Браун и Олли Викс. Олли мне всегда нравился больше, чем Бад, который, как мне кажется, считал себя неким Шарлем де Голлем мира универмагов.

Когда каждая из девушек заканчивала подсчет, Бад или Олли подкальывали листки с суммой к банкнотам или чекам покупателей и бросали их в специальный ящик. Все четверо, похоже, взмокли и устали.

— Надеюсь, ты захватил с собой хорошую книгу, — сказал Нортон, присоединяясь ко мне. — Мы, видимо, долго простоим.

Я вновь подумал о Стефф, оставшейся дома в одиночестве, и опять испытал какое-то неуютное чувство.

— Ты говорил с мамой? — потянул Билли меня за рубашку.

— Нет. Телефон не работает.

— Ты волнуешься за нее?

— Нет, — солгал я. В действительности я волновался, сам не понимая, почему. — Нет, конечно. А ты?

— Не-е-е... — Но он тоже волновался, и по его лицу это было заметно.

Нам следовало бы сразу ехать домой. Но даже тогда, может быть, уже было поздно.

Пробираясь обратно к фруктам и овощам, я чувствовал себя словно лосось, сражающийся с течением. Стали попадаться знакомые лица: Майк Хатлен, один из членов городского управления, миссис Репплер, учительница начальных классов (гроза нескольких поколений третьеклассников с улыбкой разглядывала стеллаж с дынями), миссис Терман, которая иногда оставалась посидеть с Билли, когда мы со Стефф отправлялись куда-нибудь вдвоем. Но в основном здесь собрались люди, приехавшие на лето: они запасались не требующими приготовления продуктами и перебрасывались шутками насчет «суровых условий», в которых приходится проводить отпуска. Отдел копченостей и прочих закусок они подчистили так же основательно, как, бывает, подчищают стенды с десятицентовыми книгами в день дешевой распродажи: там не осталось ничего, кроме сосисок, фарша и одинокого несъедобного вида батона колбасы.

Я взял помидоры, огурцы и банку майонеза. Стефф нужен был еще бекон, но бекона уже не осталось, и я прихватил вместо него колбасного фарша, хотя с тех пор, как газеты сообщили, что в каждой упаковке содержится небольшое количество «примесей» от насекомых (бесплатный довесок), я никогда не ел его с большим энтузиазмом.

— Посмотри, — сказал Билли, когда мы завернули за угол в четвертом проходе. — Вон — солдаты.

Их было двое, и серая форма сразу бросалась в глаза на фоне более яркой летней одежды и спортивных костюмов остальных покупателей. Все давно привыкли к появлению на улицах военнослужащих: примерно миль тридцать отделяло город от «Проекта Стрела». Эти двое выглядели так, словно бриться начали совсем недавно.

Я посмотрел в список и убедился, что мы взяли все, что нужно... Нет, почти все. В самом конце, словно вспомнив об этом напоследок, Стефф дописала «Бутылка „Лансерс“». Оставив тележку, я пошел к винным стеллажам, выбрал бутылку и двинулся обратно мимо большой двустворчатой двери в складское помещение, из-за которой доносилось ровное гудение электрического генератора. Но, видимо, его хватало только на то, чтобы поддерживать холод в рефрижераторах, а на автоматические двери, кассовые аппараты и другое электрическое оборудование мощности уже не доставало. Звук был такой, словно за дверью работал мотоцикл.

Когда мы встали в очередь, появился Нортон с двумя упаковками светлого пива, буханкой хлеба и колбасой, которую я заметил раньше, и встал в очередь вместе с нами. Без кондиционирования в помещении магазина было жарко, и я подумал, что тут стало бы гораздо лучше, если бы кто-нибудь из подсобных рабочих по крайней мере застопорил входные двери в открытом положении. Через два прохода позади от нас я видел грузчика Бадди Иглтона в его красном фартуке, но он явно не собирался трогаться с места. От монотонного гудения генератора у меня начала болеть голова.

— Положи продукты в нашу тележку, — сказал я Нортону.

— Благодарю.

Теперь очередь тянулась мимо секции замороженных продуктов, и, чтобы добраться к нужным стеллажам, покупателям приходилось постоянно извиняться, пробираться через два ряда людей.

— Мы здесь хрен знает сколько будем стоять, — угрюмо пробормотал Нортон, и я

нахмурился: на мой взгляд, такого рода выражения Билли лучше не слышать.

Когда очередь проползла немного вперед, рев генератора стал менее слышен, и мы с Нортонем разговорились, старательно обходя тему раздора из-за земли, в результате которого мы оказались в суде, и касаясь лишь шансов на победу команды «Ред Сокс» и погоды. Исчерпав наконец запас ни к чему не обязывающих тем, мы оба замолчали.

— М-м-м. Почему они так медленно, пап? — спросил Билли, лицо которого все еще сохраняло встревоженное выражение, и внезапно окутывающий туман беспокойства на мгновение расступился. Сквозь него проступило что-то ужасное — блестящее металлическое лицо страха.

— Спокойней, малыш, — пробормотал я.

Внезапно откуда-то издалека возник похожий на крик звук. Он быстро приближался и превратился в вой полицейской сирены. С перекрестка донесся автомобильный гудок, потом визг тормозов. Оттуда, где я стоял, видно было плохо, но вскоре звук сирены достиг максимальной громкости, когда полицейская машина пронеслась мимо супермаркета, и стал стихать по мере того, как она удалялась. Несколько человек, стоявших в очередях, пошли посмотреть, в чем дело, но большая часть осталась на месте: люди стояли слишком долго, чтобы рисковать потерять свою очередь.

Нортон пошел: его покупки все равно лежали в нашей тележке. Через несколько секунд он вернулся и встал на место.

— Местные легавые, — прокомментировал он.

Тут, медленно перерастая в крик, стихая, потом снова возвышаясь до крика, завывала сирена городской пожарной охраны. Билли взял меня за руку. Вернее, схватил.

— Что это, папа? — Спросил он. И тут же еще: — ты думаешь, с мамой все в порядке?

— Должно быть, пожар на Канзас-Роуд, — сказал Нортон. — Эти чертовы оборванные провода...

Какой-то парень распахнул входную дверь, и мне показалось, что это был тот самый, что чуть не врезался в нашу машину на «Ямахе».

— Туман! — закричал он. — Что творится! Это надо видеть!

Люди стали поворачиваться к парню. Он дышал тяжело, словно долго бежал. Все молчали.

— В самом деле, это надо видеть, — повторил он, на этот раз уже будто оправдываясь.

Люди продолжали молча смотреть на него, кто-то шаркнул ногой, но уходить из очереди никто не хотел. Несколько человек из тех, что еще не встали в очередь, бросили свои тележки и прошли мимо неработающих касс посмотреть, о чем идет речь.

Очередь снова двинулась вперед. Люди вытягивали шеи, стараясь разглядеть туман, о котором говорил вбежавший в магазин парень, но через окно было видно лишь чистое голубое небо. Кто-то сказал, что парнишка, по-видимому, пошутил. Кто-то ответил, что меньше часа назад видел полосу необычного тумана на озере. Пожарная сирена продолжала надсадно завывать. Все это мне очень не нравилось. Слишком сильно отдавало большой катастрофой.

Еще несколько человек вышли на улицу. Некоторые даже оставили место в очереди, отчего она продвинулась чуть дальше. Затем старый седой Джон Ли Фровин, механик с заправочной станции «Тексако», прошмыгнул в магазин и крикнул:

— Эй! У кого-нибудь есть фотоаппарат?

Он оглядел зал и выскочил обратно на улицу. Тут уже все зашевелились: если зрелище

стоит того, чтобы его фотографировать, то уж хотя бы посмотреть надо обязательно. Неожиданно своим ржавым, но сильным старческим голосом закричала миссис Кармоди:

— Не ходите туда!

Люди стали оборачиваться к ней. Стройная очередь распалась: кто-то отправился посмотреть на туман, кто-то просто отошел разыскивая своих друзей. Привлекательная молодая женщина в красной блузке и темно-зеленых брюках задумчиво, оценивающе смотрела на миссис Кармоди. Кассирша рядом с Бадом Брауном обернулась, и тот постучал ее по плечу своим длинным пальцем:

— Не отвлекайся, Салли.

Снова закричала миссис Кармоди:

— Не ходите туда! Там смерть! Я чувствую, что там смерть!

Бад и Олли, хорошо знавшие ее, лишь раздраженно поморщились, но приезжие, даже стоявшие в очереди, тут же отошли от нее подальше. Видимо, к этим крикливым старухам в больших городах относятся так же, словно они переносчицы какой-то заразной болезни. Впрочем, кто знает? Может быть, так оно и есть.

Тут через входную дверь ввалился мужчина с разбитым носом.

— Там что-то есть в тумане! — закричал он.

Билли прижался ко мне, то ли испугавшись этого человека с окровавленным лицом, то ли того, что он говорил.

— Там в тумане что-то есть! — Продолжал кричать мужчина. — Что-то из тумана схватило Джона Ли! Что-то... — Покачнувшись, он наткнулся спиной на витрину с подкормкой для газонов и опустился рядом с ней на пол. — Что-то из тумана схватило Джона Ли, и я слышал, как он кричал!

Ситуация переменилась. Волнение, вызванное бурей, а потом полицейскими и пожарными сиренами, растерянность, которую средний американец всегда испытывает при нарушении электроснабжения, атмосфера нарастающей напряженности, все это вдруг заставило людей зашевелиться. Они не побежали. Сказав так, я создал бы у вас неверное впечатление. Паники не было. Никто не бежал, по крайней мере, большинство людей не бежало. Они просто пошли. Одни пробирались к большой витрине у конца кассового ряда, другие направились прямо к дверям, причем некоторые с неоплаченными покупками. Бад Браун тут же закричал требовательным голосом:

— Эй! Вы не заплатили! Эй, вы! Ну-ка вернитесь! Немедленно верните сюда пирожки с сосисками!

Кто-то рассмеялся над ним, и от этого сумашедшего неестественного хохота остальные люди заулыбались. Но даже улыбаясь, все они выглядели испуганно, неуверенно и беспокойно. Потом засмеялся кто-то еще, и Браун побагровел. Он выхватил коробку с грибами у дамы, которая пыталась протиснуться мимо него к окну, облепленному людьми.

— Отдайте мои грибочки, — завизжала дама, и это неуместное уменьшительное «грибочки» вызвало истерический хохот еще у двоих мужчин, стоявших рядом.

Происходящее уже стало напоминать чем-то сумашедший дом. Миссис Кармоди продолжала трубить, чтобы мы не выходили на улицу. Не переставая, завывала пожарная сирена, словно крепкая старуха, заставшая у себя дома вора. Билли заплакал.

— Папа, что это за человек в крови? Почему?

— Все в порядке, Большой Билл, он просто расшиб себе нос. Не волнуйся.

— Что он имел в виду, этот человек? Про что-то там в тумане? — Спросил Нортон

усиленно хмурясь, что, видимо, заменяло ему замешательство.

— Папа, я боюсь, — сквозь слезы выдавил Билли. — Пожалуйста, давай поедem домой.

Кто-то пробежал мимо, грубо толкнув меня, и я взял Билли на руки. Я тоже испугался. А смятение нарастало. Салли, кассирша, работавшая рядом с Бадом Брауном, попыталась встать, и он вцепился в воротник ее красного халата. Ткань лопнула, и кассирша, отмахиваясь от него руками, вырвалась, закричав:

— Убери свои поганые лапы!

— Заткнись, — рявкнул Браун, но по его голосу чувствовалось, что он в полной растерянности.

Он снова потянулся за ней, но его остановил Олли Вискс:

— Бад! Остынь!

Кто-то еще закричал. Если раньше паники не было, почти не было, то теперь обстановка быстро приближалась к панической. Люди текли из обеих дверей. Послышался звон бьющегося стекла, и по полу разлилась пузырящаяся лужа кока-колы.

— Боже, что происходит? — воскликнул Нортон.

И в этот момент начало темнеть. Я подумал было, что отключился свет в зале, и совершенно рефлекторно задрал голову, взглянул на флуоресцентные лампы. И не я один решил, что потемнело именно из-за этого. Потом я вспомнил, что тока нет и что лампы не горели все это время, пока мы были в магазине. Но ведь света хватало... И тут я понял, даже раньше, чем люди, стоявшие у окон, начали кричать и указывать руками на улицу.

Надвигался туман...

Туман скатился с Канзас-Роуд, и даже с близкого расстояния он казался таким же, каким я его впервые заметил на озере. Белый, чистый, он быстро продвигался, и на небе вместо солнца осталась теперь маленькая серебрянная монета, словно полная луна, видимая зимой сквозь тонкий покров облаков.

Казалось, что туман лишь лениво ползет, но в природе есть явления, протекающие с той же плавной, гипнотизирующей быстротой, например, ураганы и торнадо. Они буквально заворачивают, как заморозил смерч стоявших у панорамного окна Билли и Стефф. Туман катился по двухрядному шоссе и постепенно скрывал его под собой. Вот поглотило голландский домик Маккеонсов. Какое-то время из тумана еще торчал второй этаж стоящего по соседству ветхого дома, но потом пропал и он. Дорожные знаки с призывом «Держись правой стороны» у въезда на стоянку супермаркета и выезд с нее тоже исчезли, хотя сами буквы еще несколько секунд плавали в воздухе.

— Боже, что происходит? — снова спросил Нортон, и на этот раз в его голосе что-то дрогнуло.

Широкое стекло витрины заволкло ровным белым цветом. Дальше урны, стоявшей в четырех футах от окна, я не мог разглядеть почти ничего. Едва виден был лишь передний бампер моего «Скаута». Послышался долгий и громкий женский крик. Билли прижался ко мне еще плотнее. Он дрожал, словно в лихорадке. Какой-то мужчина вскрикнул и бросился мимо одной из пустующих касс к выходу. Видимо, с этого и началась паника. Люди беспорядочной толпой бросились к двери.

— Эй! — заорал Браун. Я не знаю, был ли он напуган, рассержен или и то и другое сразу. Лицо его стало почти фиолетовым, на шее канатами вздулись вены. — Эй, вы все! Вы не имеете права... Ну-ка, вернитесь сюда с продуктами. Это — воровство!

Люди не останавливались, хотя некоторые все же побросали взятые было продукты.

Кто-то рассмеялся. Люди вливались в туман, и никто из нас, оставшихся, больше их не видел. Через распахнутые двери в супермаркет проникал слабый едкий запах. На выходе началась толчея. Кто-то кого-то толкнул, кто-то кого-то ударил.

Нортон с каким-то отрешенным выражением лица пошел к двери. От тяжести у меня заболели плечи: Билли — парень довольно крупный. Стефф в шутку иногда называла его молодым теленком. Я пересадил его на другую руку, чтобы остановить Нортон.

— Не стоит пока, — посоветовал я.

— Что? — Спросил он, обернувшись.

— Лучше подождем.

— Чего подождем?

— Не знаю, — сказал я.

— Не думаешь ли ты... Начал было он, но тут кто-то пронзительно закричал в тумане.

Нортон замолчал. Пробка у входа из магазина чуть рассосалась, потом люди бросились назад. Гомон возбужденных голосов, крики — все смолкло. Лица людей у дверей вдруг стали бледными и какими-то плоскими, словно двухмерными.

Крик с улицы не прекращался, соревнуясь с пожарной сиреной. Неужели в человеческих легких может хватить воздуха на такой долгий пронзительный крик?

— О, господи, — пробормотал Нортон, взъерошив волосы обеими руками.

Неожиданно крик оборвался, словно его отрезало. Один мужчина вышел на улицу. Наверное, он хотел помочь этой женщине. Какое-то мгновение его было видно через стекло и туман, словно сквозь пленку высохшего молока на стакане, а потом что-то двинулось к нему, какая-то серая тень на фоне белизны. Мне показалось, что он не вошел, а с раскинутыми от неожиданности руками был буквально вдернут в туман.

Несколько секунд в зале супермаркета царило молчание. Внезапно целое созвездие лун вспыхнуло снаружи: включились фонари на автостоянке, питание к которым, видимо, подводилось подземными кабелями.

— Не ходите туда! — Завопила миссис Кармоди своим каркающим голосом. — Там — смерть!

Желающих спорить с ней не оказалось.

Снаружи донесся еще один крик, приглушенный расстоянием, и Билли вздрогнул, прижимаясь ко мне.

— Дэвид, что происходит? — Спросил Олли Викс, оставив свое место у кассы. На его гладком круглом лице застыли крупные капли пота. — Что это?

— Если бы я знал, черт побери! — не сдержался я.

Олли выглядел очень испуганным. Жил он один в симпатичном маленьком домике на берегу озера Хайлэнд, любил заходить в бар у Приятной Горы. На мизинце левой руки Олли носил кольцо с сапфиром.

— Ничего не понимаю, — выдохнул он.

— Я тоже. Билли, у меня руки отрываются... Придется поставить тебя на пол. Я буду держать тебя за руку, о'кей?

— Мама... — прошептал он.

— С ней все в порядке, — сказал я. Надо же было что-то сказать.

Мимо нас прошел старик, хозяин комиссионного магазина, что рядом с «Рестораном Джона», как всегда, в свитере с названием колледжа, который он носил круглый год.

— Это одно из тех ядовитых облаков... Заводы в Рамфорде и Саут-Парке...

Химикалии... — буркнул он и двинулся дальше по проходу мимо лекарств и туалетной бумаги.

— Надо смываться отсюда, Дэвид, — нервно сказал Нортон, впрочем, без всякого убеждения в голосе. — Что ты думаешь, если...

Тут нас тряхнуло. Ногами я почувствовал странный тяжелый удар, словно здание неожиданно упало с высоты фута в три. Музыкальным звоном отозвались бутылки, падая с полка на плиточный пол. От одной из секций витринного стекла оторвался стеклянный клин, и я заметил, как прогнулись и кое-где расщепились деревянные рамы, удерживающие стекла.

Вой пожарной сирены внезапно оборвался. Люди настороженно молчали в наступившей тишине, словно ждали чего-то, чего-то худшего.

— Эй, люди! — крикнул Нортон. — Слушайте все!

Люди стали оборачиваться. Нортон поднял руку с раскрытой ладонью над головой, словно политический деятель, произносящий слова присяги.

— Выходить на улицу сейчас опасно!

— Почему? — выкрикнула какая-то женщина. — У меня дома дети. Мне нужно к ним.

— Там, на улице, — смерть! — вылезла в проход миссис Кармоди. Она встала рядом с уложенными у окна двадцатипятифунтовыми мешками с удобрениями. Ее лицо показалось мне припухшим, словно его раздули изнутри.

Какой-то подросток толкнул ее, и она, удивленно хрюкнув, осела на мешки.

— Заткнись, ты, карга старая! Несешь всякую чушь собачью!

— Прошу вас! — продолжал Нортон. — Если мы немного подождем, туман развеется и мы увидим...

Ответом послужил шквал противоречивых возгласов.

— Мистер Нортон прав, — поддержал я, стараясь перекрыть шум. — Давайте наберемся терпения.

— Я думаю, это было землетрясение, — сказал мягким голосом мужчина в очках. В одной руке у него были сверток пирожков с мясом и пакет с булочками, другой он держал за руку маленькую девочку, может быть, на год моложе Билли. — Честное слово, землетрясение.

С какого-то стеллажа, видимо откинутаая на самый край ударом, землетрясением или чем бы это там ни было, упала запоздавшая банка, громко и неожиданно загремев на полу. Билли расплакался.

— Я хочу домой! Я хочу к ма-а-аме!

— Будь добр, заткни ему пасть, — рявкнул Бад Браун. Глаза его быстро, но бесцельно метались из стороны в сторону.

— А в зубы не хочешь? — осведомился я.

— Дэйв, ну пожалуйста... Лучше от этого не будет... — проговорил Нортон, думая о чем-то другом.

— Очень жаль, — сказала женщина, кричавшая про детей. — Мне очень жаль, но я не могу здесь оставаться. Мне надо домой, к детям.

И она медленно обвела нас всех взглядом. Блондинка с привлекательным лицом.

— Ванда должна смотреть за маленьким Виктором, понимаете? Ванде всего восемь, и она иногда забывает... Забывает, что ей положено смотреть за ним, знаете?.. А маленький Виктор... Он любит включать конфорки на плите; там загораются такие маленькие красные

лампочки... Ему нравятся лампочки... А иногда он выдергивает вилки из розеток... А Ванда... Ей надоедает смотреть за ним... Ей всего восемь... — Женщина замолчала и вновь посмотрела на нас. Должно быть, мы казались ей шеренгой безжалостных глаз, не людей, а одних только глаз. — Неужели никто не поможет мне? — вдруг закричала она. Губы ее задрожали. — Неужели... Неужели никто не проводит женщину до дома?

Никто не ответил. Женщина переводила взгляд своих несчастных глаз с одного лица на другое. Какой-то толстяк шагнул было к ней, но жена рывком дернула его назад и крепко схватила за запястье.

— Вы? — Спросила блондинка Олли.

Тот отрицательно покачал головой.

— Вы? — Обратилась она к Бадю.

Бад накрыл рукой калькулятор, лежавший на прилавке, и промолчал.

— Вы? — Повернулась она к Нортону, и он начал что-то говорить своим сильным адвокатским голосом о том, что нельзя, мол, так, сломя голову... Женщина махнула на него рукой, и он смущенно замолк.

— Вы? — спросила она меня, и я снова взял Билли на руки, держа его как щит, будто пытался отразить этот ужасный взгляд сломленного бедой человека.

— Чтоб вы все сгорели в аду... — прошептала она. Не выкрикнула, а именно прошептала смертельно усталым голосом. Потом подошла к двери и оттянула ее двумя руками.

Я хотел было окликнуть ее, но у меня пересохло во рту.

— Э-э-э, леди, послушайте... — произнес парень, накричавший на миссис Кармоди, и схватил ее за руку.

Женщина поглядела на руку. Парень, покраснев, отпустил ее, и она вышла на улицу. Туман поглощал ее, делая бесплотной, оставляя вместо человека лишь размытый набросок фигуры на самой белой в мире бумаге, и никто не произнес ни слова. Какое-то время она была как надпись «Держись правой стороны», плавающая в воздухе. Ее руки, ноги, светлые волосы стерлись, осталось только пятно красного летнего платья, казалось, танцующего в белом пространстве. Потом исчезло и оно, и никто не проронил ни слова.

Билли расплакался, сквозь слезы требуя маму, и я повел его по одному из проходов, обняв за плечи. Мы остановились у длинного белого холодильника с мясом, расположенного вдоль всей задней стены магазина. Я сел на пол, посадил Билли на колени, прижал лицом к себе и стал успокаивать. Я говорил неправду, которую обычно родители держат про запас для тех тяжелых случаев, ту самую неправду, которая так убедительно звучит для ребенка.

— Это не простой туман, — прохныкал Билли, взглянув на меня потемневшими, полными слез глазами. — Да, папа?

— Да, думаю, это не простой туман, — здесь лгать я не хотел.

Билли начал клевать носом. Я не шевелился, опасаясь, что он снова может проснуться, но вскоре он заснул по-настоящему. Возможно, Билли плохо спал сегодня ночью, когда мы легли все вместе в первый раз с тех пор, как он вышел из младенческого возраста. А возможно — при этой мысли внутри у меня будто пронесся холодный вихрь, — возможно, он предчувствовал что-то еще. Я положил Билли на пол и пошел искать, чем бы его укрыть. Почти все, оставшиеся в магазине, до сих пор стояли у витрин, вглядываясь в плотный покров тумана. Нортон собрал небольшую группу слушателей и продолжал что-то говорить. Бад Браун твердо стоял на посту, но Олли Викс уже покинул свое место у кассы. Несколько человек с испуганными лицами отрешенно бродили в проходах.

Через большую двойную дверь между рефрижераторным шкафом для мяса и охладителем пива я прошел в складское помещение, где за фанерной перегородкой ровно гудел генератор. Что-то здесь было не так. Сильно пахло дизельным выхлопом. Я двинулся к перегородке, стараясь дышать неглубоко, потом расстегнул рубашку, задрал ее и закрыл нос и рот скомканной тканью.

Узкий длинный склад скудно освещали два ряда аварийных лампочек. Повсюду стояли штабели коробок: пачки отбеливателя с одной стороны, ящики с безалкогольными напитками — с другой, дальше — упаковки макарон с мясом и коробки с кетчупом.

Я открыл задвижку на дверце генераторного отсека и прошел внутрь. Машину окутывали маслянистые клубы голубого дыма. Выхлопная труба выходила на улицу через отверстие в стене, и, очевидно, что-то забило ее снаружи. Я щелкнул выключателем: генератор чихнул, плюнул дымом, закашлялся и умолк, издав напоследок серию затихающих маленьких хлопков, напоминающих мне упрямую пилу Нортонна.

Аварийное освещение погасло. Оставшись в темноте, я испугался и тут же потерял ориентацию. Выходя из отсека, я ударился носом о хлипкую фанерную дверь, и сердце у меня екнуло. На входных дверях, ведущих на склад, имелись окна, но по какой-то причине их покрасили черной краской, отчего темнота была почти полной. Я сбился с пути и наткнулся на штабель коробок с отбеливателем, которые тут же посыпались на пол. Одна из них пролетела у самого моего лица. Невольно шагнув назад, я споткнулся о другую, растянулся на полу и так сильно ударился головой, что перед глазами у меня засверкали яркие звезды. Хорошенькое представление!

Некоторое время я лежал, ругая самого себя, и потирал ушибленное место. Заставлял успокоиться, чтобы затем подняться и выйти на свет, к Билли...

Я осторожно встал, пытаясь взглядом найти карандашную линию света между створками двери, и наконец увидел еле заметную царапину на полотне тьмы. Двинулся туда

и тут же замер, услышав какой-то звук.

Мягкий скользящий шорох. Он прекратился, потом снова возник с легким осторожным постукиванием. Внутри у меня все обмерло, словно я волшебным образом вновь стал четырехлетним ребенком. Звук доносился не из магазина, а откуда-то из-за спины. Снаружи. Оттуда, где туман. Что-то скользило и скребло там по шлакобетону. Пытаясь, может быть, пробраться сюда.

А может быть, оно уже внутри и тянется ко мне? Может быть, через мгновение я почувствую, как это что-то ползет по моему ботинку или хватает меня за шею...

Снова раздался шорох. Теперь я был уверен, что звук шел снаружи. Но легче от этого не стало. Я с трудом заставил свои ослабевшие ноги двигаться. Потом звук изменился, и что-то проскребло в темноте. Сердце у меня екнуло, и я бросился вперед к тонкой вертикальной линии света, изо всех сил ударил по двери вытянутыми руками и вылетел в помещение магазина.

Несколько человек стояли у дверей, среди них был Олли Викс. Они испуганно отскочили назад, а Олли схватился за сердце.

— Дэвид! — выдавил он. — Боже... Ты что, хочешь лишить меня десяти лет... — И тут он он увидел мое лицо. — Что с тобой?

— Ты слышал? — спросил я, и собственный голос показался мне странным — высоким и визгливым. — Вы ничего не слышали?

Они, конечно, ничего не слышали. А сюда пришли просто посмотреть, почему не работает генератор. Пока Олли все это мне объяснял, появился носильщик Норм с охапкой батареечных фонариков и с любопытством поглядел сначала на Олли, потом на меня.

— Я отключил генератор, — сказал я и объяснил почему.

— А что ты слышал? — спросил один из мужчин, работавший в городском управлении дорог. Звали его Джим... Фамилию я тогда не вспомнил.

— Не знаю. Какой-то скребущий звук. Не хотел бы я снова его слышать.

— Нервы, — хмыкнул еще один мужчина из тех, что подошли вместе с Олли.

— А ты слышал этот звук до того, как погас свет?

— Нет. После. Но... — добавить мне было нечего. Я видел, как они смотрят на меня. Им не хотелось ни плохих новостей, ни чего-то пугающего, ни даже необычного. Всего этого уже было достаточно. Только Олли смотрел так, словно поверил мне.

— Надо бы снова включить генератор, — сказал носильщик, раздавая фонарики.

Олли взял фонарик и посмотрел на него с сомнением. Носильщик предложил один и мне. После секунды раздумий я взял фонарик: мне все равно нужно было найти что-нибудь, чем можно укрыть Билли.

Олли распахнул двери, застопорил их, чтобы хоть немного света попадало в помещение склада, и я увидел разбросанные по полу коробки с отбеливателем около приоткрытой двери в генераторный отсек.

Джим принюхался и сказал:

— Действительно, запах сильный. Ты сделал правильно, Дэвид...

Лучи фонариков запрыгали, заплясали по коробкам с туалетной бумагой и банками консервов для собак. В лучах клубился дым, который заблокированная выхлопная труба вернула в помещение склада. Носильщик повел фонариком вправо, в сторону широкой загрузочной двери. По стенам прыгали изогнутые чудовищные тени от бегающих и пересекающихся лучей. Носильщик пошел к загрузочной двери.

— Я не стал бы выходить, — обронил я.

— Знаю, что ты не стал бы...

— Попробуй теперь, Олли, — сказал один из мужчин, кивнув на генератор.

Генератор чихнул и заревел.

— Черт! Выключай! Фу, зараза, какая вонь!

Генератор снова заглох. Носильщик вернулся от двери как раз тогда, когда остальные выбрались из генераторного отсека.

— Там в самом деле что-то мешает, — озабоченно произнес один из мужчин.

— Вот что, — предложил носильщик. Глаза его блестели в лучах фонариков, а на лице появилось бесшабашное выражение. — Вы его включите ровно настолько, чтобы можно было открыть загрузочную дверь. Я выскочу на улицу и освобожу трубу.

— Я не уверен, что это очень хорошая идея, — с сомнением произнес Олли.

— А что, эта дверь открывается электромотором? — спросил Джим.

— Точно, — ответил Олли. — Но я думаю, это неразумно...

— Все нормально, — перебил его второй мужчина, сдвигая на затылок свою бейсбольную шапочку. — Я справлюсь.

— Вы не понимаете... — снова начал Олли. — Я в самом деле не думаю, что кому-то...

— Не дрейфь, — презрительно процедил второй мужчина.

— Послушайте, это была моя идея! — возмутился носильщик Норм.

И тут они принялись спорить, кто пойдет наружу, вместо того чтобы решить, стоит ли это делать вообще. Ведь никто из них не слышал этого отвратительного скользящего звука.

— Прекратите! — крикнул я.

Все обернулись ко мне.

— Вы похоже, еще не поняли, что это не обычный туман. И упорно не хотите понять. С тех пор как он появился, никто не заходил в магазин. Если вы откроете эту дверь и что-нибудь заползет...

— Что заползет? — спросил Норм с типичной для восемнадцатилетнего бравадой.

— То, что издавало звуки, которые я слышал...

— Мистер Дрейтон! — фыркнул Джим. — Я знаю, что вы важный художник со связями в Нью-Йорке, Голливуде и все такое, но это, на мой взгляд, не делает вас отличным от всех остальных людей. Я так понимаю, что вы оказались тут в темноте и, видимо, э-э-э... Малость струхнули.

— Может быть, — согласился я. — Но если вам так хочется наружу, вам следовало бы прежде проводить ту леди до дома, где у нее остались дети...

Непонимание ситуации этими людьми одновременно и злило меня, и пугало. Глаза их горели, как у мальчишек в тире.

— Эй, — ухмыльнулся приятель Джима, — когда нам понадобится совет, мы вас спросим.

— Генератор на самом деле не так уж и нужен, — сказал Олли нерешительно. — Продукты в холодильных шкафах могут пролежать двенадцать часов или даже больше, если нужно, безо всякого...

— Ну, парень, вперед, — скомандовал Джим, не обращая на Олли никакого внимания. — Я включу генератор, а ты быстро поднимай дверь, пока здесь снова не завоняло дымом. Мы с Майроном будем у выхлопной трубы, так что крикни, когда освободишь ее.

— О'кей, — ответил Норм возбужденно и двинулся к двери.

— Это просто сумасшествие, — покачал я головой. — Вы позволили женщине идти одной...

— Я что-то не заметил, чтобы ты сам сильно рвался ее провожать.

— ...а теперь собираетесь позволить этому мальчишке рисковать жизнью из-за генератора, который даже не нужен.

— Заткнешься ты или нет! — крикнул Норм.

— Послушайте, мистер Дрэйтон, — проговорил Джим, и на губах его появилась холодная усмешка. — Вот что я вам посоветую: если вы захотите сказать что-нибудь еще, лучше пересчитайте сначала свои зубы...

Олли испуганно посмотрел на меня. Я пожал плечами.

Джим и его дружок Майрон сочли, что я сдался, и направились в генераторный отсек.

— Ты готов, Норм? — Спросил Джим.

— Да.

— Норм, — сказал я, — не валяй дурака.

— Это ошибка, — выдавил Олли.

Норм затравленно оглянулся на нас, и лицо его вдруг стало лицом маленького ребенка. Кадык судорожно дернулся, и я понял, что он смертельно напуган. Он открыл было рот, собираясь что-то сказать — видимо, отказаться, — но в этот момент снова взревел генератор, и Норм нажал кнопку справа от двери. Дверь медленно, со скрежетом поползла вверх по двум стальным направляющим. Когда заработал генератор, включилось аварийное освещение, но теперь лампы засветились вполсилы, из-за того, что мотор, поднимающий дверь, съедал какую-то часть мощности.

Тени отползли назад и растаяли. Склад начал наполняться мягким белым светом, словно в пасмурный зимний день, и я снова почувствовал этот странный едкий запах.

Дверь поднялась на два фута, потом на четыре, и в открывшемся проеме я увидел прямоугольную площадку, очерченную желтыми полосами, которые уже в трех футах от стены исчезали в невероятно плотном тумане.

— Оп-ля! — крикнул Норм.

Языки тумана, белые и прозрачные, словно взвешенное в воздухе кружево, поползли внутрь вместе с холодным воздухом. Утро было прохладным, особенно по сравнению с тремя последними неделями удушающей жары, но теперь уже стало по-настоящему холодно. Как в марте. Я вздрогнул и вспомнил о Стефф.

Генератор заглох, и как раз в тот момент, когда Норм, пригнувшись, нырнул в проем под дверь, Джим вышел из-за загородки. И тут он увидел. И я. И Олли.

Над дальнем краем бетонной разгрузочной площадки прозмеилось щупальце и схватило Норму за ногу. У меня отвисла челюсть. Олли издал какой-то странный горловой звук. Щупальце было толщиной около фута в том месте, где оно обернулось вокруг ноги Нормы, и, может быть, четыре-пять футов там, где его скрывал туман. Оно было серое сверху и почти телесно-розового цвета на внутренней стороне, там, где рядами располагались присоски,двигающиеся и шевелящиеся, словно сотни маленьких сморщенных ртов. Норм посмотрел вниз и увидел, что его держит. Глаза его расширились от ужаса.

— Уберите это от меня! Эй, снимите это! Скорее уберите эту чертову штуку!

— О, господи! — Простонал Джим.

Норм ухватился за нижнюю кромку двери. Щупальце чуть вздулось, как мускулы на

руке, когда ее сгибают, и вытянуло Норма до половины на улицу. Рубашка его зацепилась за нижний край двери, и ее вытащило из брюк. Норм снова рванулся.

— Помогите же мне! — всхлипывая, взмолился он. — Эй, вы, помогите мне! Пожалуйста!

Я стоял ближе всех. Схватив Норма за пояс, я дернул его на себя изо всех сил. Секунду мы действительно двигались назад, но только секунду. Это было все равно, что тянуть круглую резинку или конфету-тянучку. Щупальце подалось, но не отпустило. Из тумана выплыли еще три щупальца и потянулись к нам. Одно ухватило болтающийся красный фирменный фартук и рывком содрало его.

Другие два щупальца слепо скользили взад-вперед по разгрузочной площадке, издавая тот самый скребущий звук, что я слышал раньше. Затем одно из них наткнулось на левое бедро Норма и скользнуло вокруг, задев меня за руку. Оно было теплое, пульсирующее и гладкое. Наверно, если бы оно вцепилось в меня своими присосками, я бы тоже оказался на улице. Но щупальце меня не тронуло, схватив только Норма. Третье обвило кольцами его другую лодыжку, и теперь все три тянули Норма наружу.

— Помогите же мне! — закричал я. — Олли! Кто-нибудь! Помогите!

Никто не подошел. Не знаю, что они там делали, но на помощь мне никто не пришел.

Я взглянул вниз и увидел, как щупальце, обвившееся вокруг пояса Норма, впивается в кожу. Присоски в полном смысле слова поедали Норма. Из проеденной пульсирующим щупальцем полосы кожи начала сочиться кровь. Я ударился головой о нижний край наполовину поднятой двери, и ноги Норма снова оказались на улице. Одна кроссовка соскочила с его ноги; из тумана тут же появилось новое щупальце, схватило ее и скрылось в тумане. Побелевшие пальцы Норма цеплялись за нижний край двери смертельной хваткой. Он больше не кричал, только голова его болталась из стороны в сторону, да дико метались длинные черные волосы.

Из тумана появились новые щупальца, сначала около дюжины, потом целый лес. Большинство из них маленькие, но несколько было просто гигантских, толщиной, может быть, с облепленное мхом дерево, что еще утром лежало поперек дороги у нашего участка, с карамельно-розовыми присосками величиной с крышку люка. Одно такое огромное щупальце шмякнулось о бетон платформы и поползло в нашу сторону, словно слепой червь. Я снова дернул изо всех сил, и щупальце, державшее правую ногу Норма, чуть соскользнуло, но не больше.

Одно из щупалец коснулось моей щеки и зависло, дрожа, в воздухе, словно раздумывая. Я вспомнил о Билли, уснувшем у длинного белого мясного рефрижератора мистера Маквея. Если одна из этих штук вцепится в меня, некому будет заботиться о сыне, кроме, может быть, Нортонна...

Я отпустил Норма и упал на четвереньки. Щупальце скользнуло слева от меня, как бы перешагивая на присосках, потом тронуло руку Норма, замерло на секунду и обвило его кольцами.

Норм выглядел теперь, как фрагмент из кошмарного сна со змеями. Щупальца опутали его почти целиком и уже вились вокруг меня. Я неуклюже отпрыгнул в сторону, упал и откатился. Джим и Майрон замерли по обеим сторонам двери в генераторный отсек, словно восковые фигуры из музея мадам Тюссо, с бледными лицами и блестящими глазами.

— Включайте генератор! — закричал я.

Никто не сдвинулся с места. Они, не отрываясь, словно загипнотизированные,

продолжали смотреть в проем загрузочной двери. Я пошарил по столу, схватил первое, что попало под руку, кажется, коробку отбеливателя, и швырнул ее в Джима. Он, охнув, схватился за ушибленное место. Что-то осмысленное наконец появилось в его взгляде.

— Включай этот чертов генератор! — заорал я так сильно, что заболело в горле.

Он не сдвинулся с места и принялся оправдываться, решив, видимо, что теперь, когда какая-то тварь вылезла из тумана и почти живьем съела Нортон, наступило время выяснять, кто в этот повинен.

— Я не виноват, — визжал он. — Я не знал... Откуда я, черт побери, мог знать? Ты сказал, что слышал что-то, но я не понял, что ты имеешь в виду. Надо было лучше объяснять. Я думал... Не знаю... Может, птица какая...

Олли, опомнившись, оттолкнул его плечом в сторону и бросился в генераторный отсек. Джим споткнулся о коробку с отбеливателем и упал, как я тогда, в темноте.

— Я не виноват, — повторил он.

Его рыжая челка сбилась на лоб. Щеки стали белыми, а в глазах застыл ужас. Через секунду генератор кашлянул и заревел. Я повернулся к загрузочной двери. Норма почти не было видно, но он все еще упорно цеплялся за дверь рукой. Щупальца буквально кишели вокруг него, а на бетон падали капли крови величиной с десятицентовую монету. Голова Норма все еще болталась из стороны в сторону, а глаза, глядящие в туман, вылезали из орбит от ужаса.

Новые щупальца подползли ко входу и забрались внутрь помещения. Около кнопки, включающей дверной механизм, их оказалось так много, что туда страшно было подойти. Одно из них обвило бутылку и унесло с собой. Другое скользнуло вокруг картонной коробки и сдавило ее. Картон лопнул, и из коробки фонтаном взметнулись рулоны туалетной бумаги, упакованные в целлофан, попадали на пол, раскатились. Щупальца расхватили их мгновенно.

Одно из самых больших щупалец заползло дальше других, чуть приподнялось кончиком от пола, словно принюхиваясь, и двинулось в сторону Майрона. Тот, бешено вращая глазами, подпрыгнул, и из помертвевших его губ вырвался истошный крик.

Я поискал глазами что-нибудь длинное, чтобы дотянуться до кнопки на стене над ищущими щупальцами, заметил швабру, прислоненную к штабелю ящиков с пивом.

Норм упал на бетонную платформу, лихорадочно пытаясь уцепиться за что-нибудь еще. Взгляды наши на секунду встретились: я видел, что он понимает, какой конец ждет его. И через мгновение клубок щупалец, подпрыгивая и перекатываясь, потянул Норма в туман. Он издал последний и сдавленный крик и исчез.

Я нажал кнопку рукояткой швабры, мотор взвыл, и дверь заскользила вниз: коснулась сначала самого толстого щупальца, того, что ползло в направлении Майрона, сдавило его, потом порезало. Брызнула черная жижа. Щупальце бешено забило, заметалось по складу словно огромный невероятной толщины кнут. Потом вдруг сплющилось, скользнуло под дверь и исчезло. Остальные тоже начали отползать.

Одно из щупалец тянуло за собой пятифунтовую упаковку собачьих консервов и никак не хотело ее оставлять. Опускающаяся дверь разрубила его надвое и с тяжелым стуком стала на место. Отрубленный кусок щупальца импульсивно сжал упаковку, и по складу во все стороны разлетелись коричневые куски собачьего концентрата. Щупальце забило на полу, словно рыба, выброшенная на берег. Оно сжималось и раскручивалось, но с каждым разом все медленнее, до тех пор, пока не замерло совсем. Я ткнул его рукояткой швабры, и трехфутовый кусок щупальца хищно сжался вокруг нее, потом обмяк и упал.

Все стихло, только генератор продолжал гудеть и надрывно плакал за фанерной перегородкой Олли. Через открытую дверь я видел, как он раскачивается на стуле, закрыв руками лицо. Затем я осознал, что слышу еще какой-то звук. Мягкое скользящее шуршание, которое я слышал раньше, только теперь оно стало в десять раз сильнее: щупальца за загрузочной дверью, пытающиеся проникнуть в помещение.

Майрон сделал несколько шагов в мою сторону.

— Послушай... — начал он. — Ты должен понять...

Я ударил его кулаком в лицо, и от неожиданности он даже не попытался защититься. Удар пришелся под нос. Верхнюю губу расплющило, из разбитой губы потекла кровь.

— Ты убил его! — задыхаясь, крикнул я. — Ты хорошо видел, что произошло? Ты видел, что ты наделал?

Я принялся бить его, нанося удары и левой и правой, но не так, как учили меня в секции бокса в колледже, а просто наотмашь. Он отступал, отбивая часть ударов в каком-то оцепенении, вызванном, может быть, чувством вины. От этого я злился еще больше. Я расквашивал ему нос, посадил синяк под глазом.

— Послушай... — продолжал твердить он. — Послушай, ну послушай же...

Не знаю, как долго я лупил его, но тут кто-то схватил меня за руку. Я вырвался и обернулся.

Это оказался Олли. С круглым смертельно бледным лицом, темными кругами под глазами, еще влажными от слез.

— Ты и твой приятель — глупое дерьмо! — прорычал я.

— Не надо, Дэвид, — попросил он. — Не бей его больше. Это ничего не изменит.

Джим с опарашенным видом стоял неподалеку. Я со злостью пнул ногой какую-то коробку, она ударилась о его ботинок и отскочила.

— Хватит, Дэвид, — сказал Олли устало. — Успокойся.

— Вы, два дурака, убили этого парня.

Джим смотрел себе под ноги. Майрон сидел на полу, держась за свой «пивной» живот. Я тяжело дышал, кровь стучала в висках, меня била дрожь. Я сел на картонные коробки, сидел какое-то время не двигаясь, чувствуя, что или потеряю сознание, или меня стошнит, или случится еще что-нибудь.

— Ладно, — тупо произнес я. — Все.

— Хорошо, — сказал Олли. — Надо придумать, что делать дальше.

— Выключи генератор для начала.

— Да, давайте сматываться отсюда, — добавил Майрон, глядя на меня виновато. — Мне жаль, что так получилось с этим парнем. Но ты должен понять...

— Ничего не хочу понимать. Вы с приятелем идите обратно в магазин, но ждите нас прямо тут, у пивного охладителя. И никому ничего не говорите... Пока.

Они пошли, не споря, и, прижавшись друг к другу, протиснулись в дверь. Олли заглушил генератор, но за секунду до того, как свет погас, я увидел брошенную на ящик с пустыми бутылками стеганую тряпку, вроде тех, что грузчики обычно подкладывают под хрупкие предметы, прихватил ее с собой.

Шаркая ногами, и на что-то натыкаясь, Олли выбрался из генераторного отсека. Как большинство людей с лишним весом, он дышал тяжело и чуть с присвистом.

— Дэвид? — Его голос немного дрожал. — Ты еще здесь?

— Здесь, Олли. Осторожно, тут кругом эти коробки с отбеливателем.

— Угу.

Я наводил его голосом, через полминуты или около того он протянул в темноте руку и схватил меня за плечо. Судорожно, с облегчением вздохнул.

— Черт. Давай выбираться отсюда. Здесь темно и... Паршиво.

— Да уж, — сказал я. — Но подожди минуту. Я хотел поговорить с тобой, только без этих двух идиотов.

— Дэйв, они ведь не заставляли его. Ты должен это помнить.

— Норм — мальчишка, а эти двое — взрослые люди. Ну ладно, хватит об этом. Нам придется рассказать им это, Олли. Людям в магазине.

— А если будет паника...

— Может, будет, может, нет. Но по крайней мере, они дважды подумают, прежде чем выходить на улицу, чего как раз и хотят большинство из них. Почти у всех дома кто-то остался. У меня тоже. Надо заставить их понять, чем они рискуют, выходя наружу.

Когда мы дошли уже до самой двери, Олли сказал растерянно:

— То, что мы видели... Это невозможно, Дэвид. Ты ведь согласен? Даже если бы, скажем, грузовик с бостонского океанариума вывалил позади магазина какое-нибудь чудовище типа тех, что описаны в «Двадцать тысяч лье под водой», оно бы умерло. Просто умерло.

— Да, — сказал я. — Согласен.

— Так что же случилось, а? Что произошло? И что это за чертов туман?

— Не знаю, Олли, — ответил я.

Джим и его приятель Майрон стояли сразу за дверями, каждый из них держал в руках по банке «Будвайзера». Я посмотрел на Билли, увидел, что он еще спит, и укрыл его стеганной подстилкой. Он зашевелился во сне, но потом снова затих. Я взглянул на часы: было всего 12:15. Невероятно. Мне казалось, что с тех пор, как я пошел на склад искать что-нибудь, чтобы укрыть Билли, прошло по крайней мере часов пять. Но на самом деле все заняло не больше тридцати пяти минут.

Я вернулся к Олли, Джиму и Майрону. Олли тоже взял себе пива и предложил банку мне. Я одним глотком отпил половину, как утром, когда пилил деревья. Стало чуть легче.

Джим оказался Джимом Грондином, фамилия Майрона была Ляфлер (цветок). Немного комично, но что поделаешь: на губах, подбородке и щеках Майрона-цветка засохла кровь. Подбитый глаз уже распухал. Стройная девушка в красной кофточке, проходя мимо, бросила на него настороженный взгляд. Я хотел было сказать ей, что Майрон опасен лишь для подростков, которые пытаются доказать, что уже повзрослели, но смолчал. В конце концов, Олли был прав: они действительно хотели сделать как лучше, хотя делали это слепо и скорее из страха, чем из желания общего блага.

— Нам нужно будет сказать что-то людям, — начал я.

Джим открыл было рот, собираясь возразить.

— Мы с Олли не станем болтать о том, как вы посылали Норма наружу, если вы подтвердите сказанное нами о том... О том, что его утащило.

— Конечно, — подобострастно произнес Джим. — Если мы им не скажем, еще кто-нибудь пойдет на улицу. Как та женщина... Которая... — Он вытер ладонью губы и торопливо приложился к банке. — Боже, что происходит?...

— Дэвид, — пробормотал Олли. — А что... — Он замолчал, потом заставил себя продолжить: — А что, если они заберутся внутрь? Эти щупальца?

— Каким образом? — спросил Джим. — Вы же закрыли дверь.

— Да, — сказал Олли. — Но весь фасад магазина — это сплошная стеклянная витрина.

У меня возникло такое ощущение, словно я падаю в лифте с двадцатого этажа. Конечно, я все время это знал, но до сих пор почему-то не думал об этом. Я повернулся в ту сторону, где спал Билли, вспомнив, как обвивали щупальца Норма, и представил, что то же самое случится с Билли.

— Витринное стекло, — прошептал Майрон. — Боже милостивый!

Я оставил их у охладителя пива, где они начали уже по второй банке, и пошел искать Брента Нортона. Нашел его разговаривающим с Бадом Брауном у кассы номер два. Оба они — Нортон, с его шикарной седеющей прической и привлекательностью уже немолодого, но еще активного мужчины, и Браун, с его строгой физиономией, — словно сошли с карикатуры из «Ньюйоркера».

Человек двадцать пять бесцельно бродили между линией касс и витриной. Некоторые выстроились вдоль стекла, вглядываясь в туман, и они напомнили мне людей, разглядывающих новостройку через щели в заборе.

Миссис Кармоди сидела на конвейерной ленте у одной из касс и курила. Ее взгляд скользнул по мне, потом ушел в сторону. Выглядела она так, будто видела сны наяву.

— Brent, — позвал я.

— Дэвид? Куда ты запропостился?

— Вот об этом-то я и хочу с тобой поговорить.

— Там, у охладителя, люди пьют пиво, — мрачно произнес Браун тоном человека, сообщающего, что во время церковной службы показывали порнографический фильм. — Я их вижу в специальное зеркало. С этим нужно покончить.

Мы с Нортонем двинулись мимо стеллажей с посудой и кухонными принадлежностями к охладителю в дальнем конце магазина. Я оглянулся через плечо, отметив, как сильно выгнулись и потрескались деревянные рамы, окантовывающие высокие прямоугольные секции витринных стекол. Одно из них, вспомнил я, уже разбилось. Неровный клин стекла вывалился из верхнего угла рамы после того странного подземного толчка. Может быть, нам удастся заткнуть дыру какими-нибудь тряпками, скажем, охапкой тех же женских кофточек по 3 доллара 95 центов, что я видел у винного стеллажа...

Эти мысли оборвались внезапно, и мне пришлось зажать рот ладонью, как будто я хотел заглушить звук отрыжки. На самом деле я пытался подавить нервное хихиканье, вызванное мыслью о том, чем я собирался защититься от щупалец, утащивших Норма. Я сам видел, как одно из них — причем маленькое — давило пачку собачьих консервов, пока та просто не лопнула.

— Дэвид? Что с тобой?

— А?

— Твое лицо... Ты выглядишь так, словно придумал что-то или очень хорошее, или совсем ужасное.

Тут меня как будто ударило.

— Brent, а где тот человек, который выбежал из тумана и кричал, что что-то схватило Джона ли Фровина?

— С разбитым носом?

— Да, тот самый.

— Он потерял сознание, и мистер Браун приводит его в чувство какой-то ароматной солью из аптечки первой помощи. А что?

— Он сказал что-нибудь, когда очнулся?

— Продолжал что-то говорить про эту свою галлюцинацию. Мистер Браун отвел его в свой кабинет, а то женщины начали пугаться. Он пошел в общем-то даже охотно. Говорил что-то про стекла. Когда мистер Браун сказал, что в кабинете менеджера только маленькое окно, да и то забрано решеткой, он пошел охотно. Надо полагать, он все еще там.

— То, о чем он говорил, не галлюцинация.

— Конечно, нет.

— А тот толчок, что мы почувствовали?

— Тоже. Но, Дэвид...

Нортон напуган, напоминал я себе. Не перестарайся. На сегодня уже достаточно. С ним нужно полегче, потому что именно так он вел себя во время того дурацкого спора из-за земли. Сначала покровительственно, потом саркастически и, наконец, когда стало ясно, что он проигрывает, просто отвратительно. Не перестарайся, потому что он тебе нужен. Он, может быть не способен завести собственную бензопилу, но если он скажет людям не паниковать, они не будут. Поэтому не перестарайся.

— Ты видишь вон те двойные двери за охладителем пива?

Он посмотрел и нахмурился.

— Извини, Дэйв. Что ты говорил?

— Ты видишь эти двери?

— Вижу, конечно. И что?

— Они ведут в складское помещение, расположенное вдоль всей западной стены здания. Когда Билли уснул, я пошел туда поискать, чем можно его укрыть...

Я рассказал ему все, скрыв только спор о том, стоит ли Норму выходить или нет. Я рассказал ему о том, что заползло в загрузочную дверь и чем все кончилось. Brent Нортон отказывался верить. Нет, он отказывался даже предположить, что такое может произойти. Я подвел его к Джиму, Олли и Майрону. Все трое подтвердили мои слова, хотя Джим и Майрон-цветок уже здорово накачались.

Нортон опять не поверил. Просто уперся.

— Нет, — сказал он. — Нет, нет, и нет. Простите, джентльмены, но это совершенно невозможно. Или вы пытаетесь меня разыграть, — он одарил нас сияющей улыбкой, показывая, что не хуже других понимает шутки, — или вы все страдаете какой-то формой групповой галлюцинации.

Я начал терять самообладание, но все же сдержался. Мне нужно было думать о Билли и о том, что могло случиться или уже случилось со Стефани. Эти мысли меня грызли постоянно.

— Ладно, — сказал я. — Пошли. Там, на полу, остался кусок щупальца. Его отрезал дверью, когда мы ее закрывали. И там ты сможешь услышать их. Они шуршат там у двери, словно ветер в зарослях плюща.

— Нет, — сказал он спокойно.

— Что? — Я действительно подумал, что ослышался. — Что ты сказал?

— Я сказал «нет». Я не пойду туда. У всякой шутки должен быть предел.

— Brent, клянусь тебе, это не шутка.

— Разумеется, вы решили пошутить, — сурово произнес он, потом посмотрел на Джима и Майрона, остановил взгляд на Олли Виксе, который выдержал его спокойно и бесстрастно, и наконец взглянул на меня. — Это то, что вы, местные, называете «животы надорвать можно»? Да, Дэвид?

— Brent... Послушай...

— Нет это ты послушай! — Его голос загремел, разносясь по магазину, и несколько человек, изнервничавшихся и бесцельно шатающихся по проходам, обернулись в нашу сторону. — Это шутка. Банановая кожура. И вы выбрали меня, чтобы я на ней поскользнулся. Никто из вас особенно не любит людей со стороны, так ведь? Вы все тут друг за друга. Так же, как случилось в тот раз, когда я потащил тебя в суд, чтобы получить то, что причитается мне по праву. Ты тогда выиграл, ладно. Ну как же? Ведь твой отец знаменитый художник, и это твой город, а я здесь всего лишь плачу налоги и трачу деньги!

Он уже не играл, отчитывая нас хорошо поставленным адвокатским голосом. Он почти кричал, готовый вот-вот совсем потерять контроль над собой. Олли Викс развернулся и пошел прочь со своим пивом. Майрон и Джим смотрели на Нортон с откровенным удивлением.

— И я должен идти туда и смотреть на какую-то резиновую игрушку за девяносто восемь центов, а эти два болвана будут стоять рядом и ржать?

— Эй, ты, полегче. Кого ты называешь болваном? — спросил Майрон.

— Я, если хочешь знать, просто счастлив, что дерево упало на твой лодочный сарай.

Просто счастлив. — Нортон издевательски улыбнулся. — Его раздавило? Замечательно! А теперь прочь с дороги!

И он попытался отпихнуть меня, чтобы пройти. Я схватил его за руку и толкнул на охладитель.

— Прочисти уши и слушай, Брент. От этого зависит жизни людей. И жизнь моего ребенка для меня — не последнее дело. Так что ты лучше слушай, а не то, клянусь, я из тебя выколочу дерьмо.

— Ну, давай, — сказал Нортон, все еще улыбаясь с какой-то безумной бравадой во взгляде. — Покажи всем, что ты сильный и смелый и можешь избить человека с большим сердцем, который тебе в отцы годится.

— Вмажь ему! — прорычал Джим. — Хрен с ним и с его большим сердцем. Я думаю что у этого паршивого нью-йоркского крючкотвора вообще нет сердца.

— Не лезь, — сказал я Джиму и наклонился к Нортону. — Прекрати кипятиться. Ты прекрасно знаешь, что я говорю правду.

— Я... Ничего такого... Не знаю, — сказал он, тяжело дыша.

— Если бы это случилось в другое время и в другом месте, я бы отвязался от тебя. Но сейчас ты напуган, и я не держу на тебя зла за твои слова. Я тоже боюсь, но ты мне нужен, черт побери! Дошло до тебя? Ты мне нужен!

— Отпусти меня!

Я схватил его за рубашку и встряхнул.

— Ты что, ничего не понял? Люди начнут выходить из магазина и наткнутся прямо на это чудовище! Понял ты наконец, черт побери?

— Отпусти меня!

— Нет. До тех пор, пока ты не пойдешь со мной и не посмотришь.

— Я тебе сказал — нет! Это все обман, шутка, и я не настолько глуп, чтобы...

— Тогда я потащу тебя силой.

Я схватил его за плечо и за шею. Шов рубашки на одном из рукавов не выдержал и с легким треском разошелся. Я потащил его к дверям склада. Нортон издал сдавленный крик. Поблизости собралось человек пятнадцать или восемнадцать, но никто не подошел и не собирался вмешиваться.

— Помогите! — закричал Нортон, выпучив глаза за стеклами очков. Его прическа снова рассыпалась. Люди шаркали ногами и наблюдали.

— Что ты кричишь? — прошипел я ему в ухо. — Это же всего лишь шутка. Именно поэтому я взял тебя с собой в город, когда ты попросил, и поэтому доверил тебе повести Билли через автостоянку. Все потому, что у меня тут был заготовлен туман; я арендовал специальную машину в Голливуде за пятнадцать тысяч долларов и еще заплатил восемь тысяч за доставку — все для того, чтобы тебя разыграть. Прекрати вести себя как идиот и открой глаза.

— От-пу-сти! — провыл Нортон, когда мы были почти у дверей.

— Ну-ка, ну-ка! Что там такое? Что вы делаете? — Расталкивая толпу, появился Браун.

— Заставьте его отпустить меня, — хрипло попросил Нортон. — Он сошел с ума.

— Нет. Хотел бы я, чтобы так было, но это не так, — вступился за меня Олли, и я готов был молиться на него. Он прошел между стеллажами позади нас и остановился напротив Брауна.

Взгляд Брауна упал на банку пива, которую Олли держал в руке.

— Ты пьешь! — произнес он, и в голосе его послышалось удивление, не лишнее, впрочем, нотки удовлетворения. — Ты потеряешь за это работу!

— Брось, Бад, — сказал я, отпуская Нортон. — Сейчас чрезвычайные обстоятельства.

— Правила пока никто не отменял, — самодовольно произнес Браун. — Я позабочусь, чтобы руководство компании узнало о случившемся. Это моя обязанность.

Нортон тем временем отбежал в сторону и остановился там, приглаживая волосы и заправляя рубашку. Взгляд его метался между Брауном и мной.

— Эй! — неожиданно крикнул Олли громким и басовитым голосом. Я никогда бы не подумал, что этот полный, но мягкий и скромный человек может говорить таким голосом. — Эй! Вы все! Идите сюда и слушайте! Это касается всех вас! — Он взглянул на меня спокойно и спросил, совершенно игнорируя Брауна: — Я правильно делаю?

— Да.

Люди начали собираться. Толпа зрителей, наблюдавших за моим спором с Нортон, сначала удвоилась, потом утроилась.

— Вам всем следует узнать кое-что... — начал Олли.

— Немедленно поставь пиво на место, — перебил его Браун.

— Немедленно заткнись, — сказал я и шагнул к нему.

Браун тут же сделал шаг назад.

— Я не знаю, что некоторые из вас думают, — сказал он, — но могу обещать, что все происходящее здесь будет доложено руководству «Федерал Фудс Компани»! Все! И я хочу, чтобы вы поняли, что за этим, возможно, последует, судебное разбирательство!

Губы Брауна скривились в нервной гримасе, и мне стало жалко его. Он пытался справиться с ситуацией. Точно так же, как Нортон поставил себе мысленный барьер. Как Майрон и Джим, пытавшиеся превратить все в мужскую браваду: если мы починим генератор, туман сам разойдется... Браун поступал по-своему: он защищал магазин.

— Давай записывай фамилии, — сказал я. — Только молчи.

— Я запишу много фамилий, — ответил Браун, — и твоя будет в списке первой, ты, «Богема».

— Мистер Дрэйтон должен сказать вам что-то важное, — объявил Олли, — и, я думаю, всем вам стоит прислушаться на тот случай, если вы собираетесь отправиться домой.

Я рассказал им обо все, что произошло, примерно так же, как рассказывал Нортону. Сначала некоторые смеялись, но к концу рассказа всех охватило глубокое беспокойство.

— Это все ложь, как вы понимаете, — Нортон попытался голосом усилить значение своих слов, но перестарался. И этому человеку я рассказал первому, надеясь заручиться его умением убеждать. Как я ошибся!

— Конечно, все это ложь! — воскликнул Браун. — Бред! Откуда, по-вашему, взялись эти щупальца, мистер Дрэйтон?

— Я не знаю, но они есть. И..

— Я подозреваю, что они появились из этих вот пивных банок.

Эта реплика вызвала смех, но его тут же заглушил сильный скрипучий голос миссис Кармоди.

— Смерть! — выкрикнула она, и смеявшиеся быстро замолчали.

Она вошла в центр неровного круга. Ее канареечные брюки, казалось, сами излучали свет, огромная сумка болталась у массивного бедра. Черные глаза смотрели высокомерно и сверкали остро и зло, как глаза сороки. Двое симпатичных девочек лет шестнадцати с

надписями «Лесной лагерь» на спинах белых маек испуганно отскочили в сторону.

— Вы слушаете и не слышите! Слышите и не верите! Кто из вас хочет выйти наружу и убедиться самостоятельно? — Она обвела взглядом всех собравшихся, потом посмотрела на меня. — И что вы предполагаете делать, мистер Дэвид Дрэйтон? Что, вы считаете, можно сделать?

Она ослабилась, словно персонаж из фильма ужасов, и продолжила:

— Это конец, говорю я вам! Конец всему! Перст божий вывел строку приговора не огнем, а туманом. Земля разверзлась и исторгла чудовищ...

— Остановите ее кто-нибудь! — нервно выкрикнула одна из девчонок, расплакавшись. — Я боюсь...

— Достаточно, миссис Кармоди! — Олли схватил ее за руку. — Хватит!

— Отпустите меня! Это конец, говорю я вам! Это — смерть!

— Все — ложь, — убежденно сказал Нортон. — Вы просто сговорились, вот и все.

— В то, что ты рассказал, невозможно поверить, — заявил Браун.

— Ах так... — ответил я. — Пойдем на склад. Сам увидишь. И услышишь.

— Покупателям не положено...

— Бад, — устало сказал Олли, — сходи с ним.

— Ладно, — согласился Браун. — Мистер Дрэйтон, давайте наконец покончим с этим вопросом.

Оттолкнув двери, мы вошли в темноту.

Звук, идущий снаружи, был неприятный, даже зловещий.

Браун тоже это почувствовал, несмотря на всю свою твердолобую американскую манерность. Он тут же схватил меня за руку, дыхание его на мгновение перехватило, потом он снова задышал, но уже как-то хрипло.

Низкий шепчущий звук доносился со стороны загрузочной двери, почти ласкающий звук. Я провел ногой по полу, задел один из фонариков, наклонился, подобрал его и включил. Лицо Брауна застыло, хотя он еще ничего не видел, только слышал. Но я видел и мог себе представить, как щупальца извиваются и ползают по гофрированной стальной поверхности двери, словно живые лианы...

— Ну, что ты теперь думаешь? Невозможно поверить?

Браун обвел взглядом разбросанные коробки и пакеты.

— Это все они натворили?

— Да. По большей части они. Иди сюда.

Он с неохотой подошел. Я направил луч фонарика на сжавшийся свернутый кусок щупальца, лежавший рядом со шваброй. Браун наклонился.

— Не трогай, — сказал я. — Оно может быть еще живо.

Он быстро выпрямился. Я подобрал швабру, взяв ее за щетку, и потыкал щупальце рукояткой. На третий или четвертый раз оно разогнулось лениво, показав две целые присоски и неровный сегмент третьей. Потом обрубок молниеносно сжался и замер. Браун издал какой-то утробный звук, словно его затошнило.

— Достаточно?

— Да, — выдохнул он. — Пойдем отсюда.

Мы проследовали за прыгающим лучом к дверям и вышли в торговый зал. Все лица повернулись к нам, гул голосов стих. Лицо Нортон стало похожим на старый сыр. Глаза миссис Кармоди заблестели. Олли продолжал пить пиво, и по его лицу все еще сбегали

капельки пота, хотя в магазине было уже не жарко. Двое девчонок с надписями «Лесной лагерь» на майках прижались друг к другу, как молодые лошадки перед грозой. Я видел только глаза. Так много глаз. «Я мог бы написать их», — неожиданно подумал я, холодея. Не лица, а одни глаза в полумраке. Я мог бы написать их, но никто не поверит, что такое бывает в действительности.

Следующие несколько часов прошли словно во сне. За подтверждением Брауна последовала долгая полуистеричная дискуссия. Впрочем, может быть, она длилась не так долго, как мне показалась. Просто у людей возникла мрачная необходимость пережевать полученную информацию, взглянуть на нее со всех сторон и потрепать, как собака треплет кость, чтобы добраться до костного мозга. Люди начинают верить медленно. То же самое вы можете наблюдать на любом городском собрании в Новой Англии.

«Общество верящих в плоскую Землю» — так я обозвал группу людей во главе с Нортоном, не поверивших моему рассказу. Нортон снова и снова повторял, что всего четыре свидетеля якобы видели, как носильщика унесли «Щупальца с планеты Икс». В первый раз это вызвало смех, но быстро приелось.

Наконец, когда дискуссия с «Обществом верящих в плоскую Землю», состоявшей из десяти человек, стала слишком острой, Олли не выдержал:

— Если вы нам не верите, мистер Нортон, это ваше дело. Я вам подскажу, что вы можете сделать. Вы выйдете через главный вход и пройдите за магазин. Там гора пустых банок из-под пива и бутылок от содовой. Мы с Нормом и Бадди выставили их туда сегодня утром. Вы прихватите пару бутылок, и мы убедимся, что вы действительно там были. Если вы это сделаете, я обещаю, что первый сниму и съем свою рубашку...

Нортон начал багроветь.

Олли продолжал добивать его тем же самым мягким ровным голосом:

— ...Своими разговорами вы только вредите, вот что я вам скажу. Здесь есть люди, которые хотят пойти домой, чтобы удостовериться, что их семьи в порядке. У меня у самого сестра с годовалым ребенком дома в Нейплсе, и я, конечно, хотел бы проверить, как она там. Но если люди поверят вам и начнут расходиться, с ними случится то же самое, что с Нормом.

Но Нортон не принял предложения Олли, и никто не принял. Он и его маленькое «Общество», уменьшившееся теперь на несколько человек, отошли к прилавку с готовыми мясными продуктами. Один из них при этом задел Билли за ногу, и он проснулся.

Я хотел уложить его снова, но Билли прижался ко мне и прошептал:

— Не надо, папа. Пожалуйста.

Я разыскал тележку и посадил его на сиденье для детей. Это было бы забавно, если бы не его бледное лицо, темные волосы, сбившиеся на лоб, и грустные глаза.

В отсутствие «Общества верящих в плоскую Землю» дискуссия нашла себе новый громоотвод. И теперь в этой роли оказалась миссис Кармоди.

При тусклом освещении в своем ослепительном канареечном костюме, со вздувшейся сумкой и позвякивающей кольчугой бижутерии из черепаховой кости и адамантина, она здорово походила на ведьму. Лицо ее прочертили глубокие вертикальные морщины. Серые, мелко завитые волосы удерживались на месте тремя роговыми гребнями и были собраны в пучок сзади, а сжатые губы выглядели словно отрезок узловатого каната.

— Нет защиты против воли божьей! И того, что произошло, следовало ожидать. Я видела знамение. Здесь есть те, кому я говорила это, но нет таких, кто был бы настолько слеп, что не увидел бы сам.

— Ну и что? Что вы предлагаете? — перебил ее Майк Хатлен, член городского

управления, хотя сейчас, в своей яхтсменской шапочке и «Бермудах» с отвисшим задом, он на официальное лицо никак не походил. Он пил пиво, что теперь делали почти уже все мужчины. Бад Браун давно прекратил протестовать, но тем не менее записывал фамилии, стараясь уследить за всеми сразу.

— Предлагаю? — эхом откликнулась миссис Кармоди, поворачиваясь к Хатлену. — Я предлагаю, чтобы ты, Майк Хатлен, готовился встретить своего Господа. — Она обвела взглядом всех собравшихся. — Готовьтесь встретить своего Господа!

— Готовьтесь встретить кучу дерьма! — пьяным голосом пробормотал Майрон Ляфлер из-за охладителя. — Старуха, у тебя, наверно, язык подвешен посередине, чтобы ты могла трепать им с двух сторон.

Послышался одобрительный ропот. Билли нервно оглянулся, и я положил руку ему на плечо.

— Нет, я все-таки скажу свое слово! — прокричала миссис Кармоди. Верхняя губа ее вытянулась вверх, открывая кривые зубы, желтые от никотина, и мне вспомнились пыльные чучела животных из ее магазина, вечно лакающие воду из зеркала, изображающего ручей.

— Сомневающиеся будут сомневаться до самого конца! Но чудовища заберут этого заблудшего! Чудовища из тумана! Мерзость из дурных снов! Ты сомневаешься? Тогда выйди на улицу!

— Миссис Кармоди, вам придется прекратить это, — сказал я. — Вы пугаете моего ребенка.

Какой-то мужчина с маленькой девочкой поддержал меня. Девочка с пухлыми ножками и ободранными коленками прижалась лицом к его животу и закрыла уши руками.

— У нас есть только один шанс, — провозгласила миссис Кармоди.

— Какой, мадам? — вежливо спросил Майк Хатлен.

— Жертвоприношение, — ответила она, и мне показалось, улыбнулась в полумраке. — Кровавое жертвоприношение...

«Кровавое жертвоприношение» — слова будто повисли в воздухе, медленно поворачиваясь. Даже сейчас, когда я знаю, что это не так, я говорю себе, что она, может быть, имела в виду чью-нибудь собачку. Две как раз бегали по залу, несмотря на правила, запрещающие приводить собак в помещение магазина.

Она открыла рот, собираясь что-то добавить, но в этот момент небольшого роста мужчина в красных спортивных брюках и опрятной футболке ударил ее по лицу. Мужчина с аккуратным, словно по линейке, пробором слева, в очках — типичный турист из тех, что наезжают сюда летом.

— Немедленно прекратите эти грязные речи, — сказал он мягким невыразительным голосом.

Миссис Кармоди подняла руку к губам, потом вытянула ее в нашу сторону в молчаливом обвинении. На ладони была кровь, но ее черные глаза светились, казалось, каким-то сумасшедшим ликованием.

— Давно напрашивалась! — выкрикнула из толпы женщина. — Я бы и сама это с удовольствием сделала!

— Они доберутся до вас, — миссис Кармоди протянула к нам окровавленную ладонь. — Не сейчас... Вечером. Ночью, когда опустится темнота. Они придут в ночи и возьмут кого-нибудь еще... Ночью они придут! И вы услышите, как они ползут и скребутся. И когда они придут, вы еще будете умолять мать Кармоди подсказать вам, что делать.

Мужчина в красных спортивных брюках медленно поднял руку.

— Ну, ударь меня, — прошептала она, улыбаясь окровавленными губами.

Рука дрогнула.

— Ударь, если посмеешь.

Рука опустилась, и миссис Кармоди пошла прочь. Билли заплакал, прижавшись лицом ко мне, как только что плакала маленькая девочка.

— Я хочу домой, — сказал он. — Я хочу к маме.

Я утешал его как мог. Но, наверное, я мог не очень многое.

В конце концов, темы разговоров стали менее пугающими и обескураживающими. Кто-то упомянул витринные стекла, наиболее уязвимое место супермаркета. Майк Хатлен спросил, как еще можно проникнуть в магазин, и Олли с Брауном тут же перечислили: две загрузочные двери, кроме той, что открывал Норм, главный вход, и окно с толстым армированным стеклом в кабинете менеджера.

Разговор этот произвел странный эффект. Опасность стала казаться более реальной, но в то же время все почувствовали себя лучше. Это стало заметно даже по Билли. Он спросил меня, можно ли ему сходить взять плитку шоколада, и я разрешил при условии, что он не будет подходить к окнам.

Когда Билли отошел подальше, мужчина, стоявший рядом с Майком Хатленом, сказал:

— Что будем делать с окнами? Старую леди, может быть, действительно укусил бешеный клоп, но она права насчет того, что ночью кто-то может вломиться.

— А вдруг туман к тому времени разойдется? — предположила какая-то женщина.

— Вряд ли, — сказал мужчина.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил я у Бада и Олли.

— Минутку, — вымолвил мужчина, стоявший рядом с Хатленом. — Я — Ден Миллер из Линна, штат Массачусетс. Вы меня не знаете — не было повода познакомиться. Мой дом на озере Хайтлэнд, и я купил его только в этом году. Содрали с меня черт знает сколько, но я просто должен был его купить. — Он рассмеялся. — Я вот о чем хотел сказать. Там, в углу, я видел целую гору мешков с удобрениями и подкормкой для газонов. Фунтов по двадцать пять каждый. Мы можем сложить из них баррикаду. Оставим амбразуры, чтобы смотреть...

Люди начали возбужденно обсуждать предложение. Я едва сдержался, чтобы не высказать то, что вертелось у меня на языке. Миллер был прав. Можно сложить эти мешки у витрин — это никому не повредит и, возможно, даже будет какая-то польза. Но мои мысли все время возвращались к воспоминанию о том, с какой легкостью щупальце разделалось с упаковкой концентрата для собак....

Все начали расходиться, намереваясь приняться за дело, и Миллер закричал:

— Стойте! Стойте! Пока мы все здесь, давайте попробуем решить остальные вопросы!

Люди вернулись, и человек пятьдесят-шестьдесят собралось в углу между охладителем, дверью в складское помещение и мясным прилавком. Билли просочился сквозь толпу и протянул мне плитку шоколада.

— Хочешь, папа?

— Спасибо. — Я откусил кусочек.

— Может быть, это глупый вопрос, — продолжил Миллер, — но нужно все выяснить до конца. У кого-нибудь есть оружие?

Все замолчали, поглядывая друг на друга и пожимая плечами. Седой старик, представившийся Эмброузом Корнеллом, сказал, что у него в багажнике машины есть

охотничье ружье.

— Если хотите, я попробую его достать.

— Сейчас, я думаю, — сказал Олли, — это не лучшая идея, мистер Корнелл.

— Подождите минуту, — произнесла женщина в красной кофточке и зеленых брюках. У нее были светлые, песочного цвета волосы и спортивная фигурка. Короче, очень привлекательная молодая леди. Она расстегнула сумочку и достала оттуда средних размеров револьвер. Толпа издала глухой возглас удивления, словно на их глазах фокусник проделал какой-то особенно эффектный трюк. Женщина, и так уже пунцовая, покраснела еще сильнее. Она покопалась в сумочке и извлекла оттуда коробку патронов.

— Аманда Дамфрис, — представилась она Миллеру. — Этот пистолет... Это идея мужа. Он считал, что мне обязательно нужно оружие для самозащиты. Я ношу его уже два года незаряженным...

— Ваш муж здесь, мадам?

— Нет, он в Нью-Йорке. Он часто ездит туда по делам и поэтому хотел, чтобы у меня было оружие.

— Что ж, — сказал Миллер, — если вы умеете им пользоваться, то пусть оно лучше останется у вас.

— Я стреляла всего один раз в жизни, в тире...

Миллер взял у нее револьвер и, осмотрев, отщелкнул барабан. Проверил, действительно, ли он не заряжен.

— О'кей, — сказал он. — У нас есть оружие... Кто хорошо стреляет?

Все промолчали. Потом Олли неохотно сказал:

— Я довольно часто тренируюсь. У меня дома «Кольт» сорок пятого калибра и «Лама» двадцать пятого.

— Ты? — удивился Браун. — Ха! Ты к вечеру так налижешься, что и видеть-то ничего не будешь.

— Почему бы тебе не заткнуться и не заняться своими списками? — предложил Олли внятно и отчетливо.

— Это, может быть, тоже покажется вам глупым, — продолжал Миллер, повернувшись к Брауну с его записями и Олли с пивом, — но нет ли здесь чего-нибудь вроде огнемета?

— У-у-у, дьявол! — вырвалось у Бадди Иглтона, и он тут же покраснел, как до него Аманда Дамфрис.

— Что такое? — спросил Майк Хатлен.

— М-м-м... До прошлой недели у нас был целый ящик таких маленьких паяльных ламп. Из тех, что обычно используют дома, чтобы запаять протекающую трубу, или глушитель у автомашины, или что-нибудь в таком духе... Вы помните их, мистер Браун?

Тот мрачно кивнул.

— Распроданы? — спросил Миллер.

— Нет, они совсем не пошли. Мы продали всего три или четыре штуки и отослали остальные обратно. Вот зараза! Виноват... Жаль... — Покраснев так, что щеки его стали чуть ли не фиолетовыми, Бадди Иглтон снова смешался с толпой.

У нас, конечно, были спички, соль (кто-то смутно припоминал, что он когда-то слышал, что всяких кровососов и прочую нечисть вроде бы нужно посыпать солью), различные щетки и швабры с длинными ручками. Многие все еще бодрились, но я поймал взгляд Олли и заметил в нем спокойную безнадежность, которая хуже страха. И он, и я видели эти

щупальца. И мысль о том, что мы будем бросать в них соль или отбиваться от них швабрами, казалась даже забавной, но забавной, как страшная карикатура.

— Майк, — сказал Миллер, — почему бы тебе не возглавить это маленькое мероприятие — укладывать мешки? Я хочу еще переговорить с Олли и Дэйвом.

— С удовольствием. — Хатлен хлопнул Дена Миллера по плечу. — Кто-то должен был взять на себя командование, и у тебя это получилось отлично. Добро пожаловать в наш город.

— Означает ли это, что я получу скидку с налогов? — попытался пошутить Миллер. Внешне он напоминал петуха: маленький, подвижный, с редющей рыжей шевелюрой. Вообще Миллер был из тех, кто не может не понравиться при первом знакомстве и так же легко может разонравиться, когда пообщаешься с ним некоторое время. Из тех, кто знает, как делать абсолютно все лучше вас.

Доев шоколад, я взял банку пива, чтобы запить сладкое.

— Вот что я думаю, — сказал Миллер. — Надо отрядить с полдюжины человек обматывать швабры тряпками и обвязывать веревками. Потом надо будет приготовить несколько этих канистр с жидкой растопкой для угля. Если срезать с них крышки, можно очень быстро сделать факелы.

Я кивнул. Идея была хорошей. Хотя наверняка недостаточно хорошей в глазах тех, кто видел, как щупальца утащили Норма. Но в любом случае факелы лучше, чем соль.

— По крайней мере, им будет чем себя занять, — тихо сказал Олли.

Губы Миллера сжались.

— Дела настолько плохи?

— Вот именно, — подтвердил Олли.

К половине пятого мешки с удобрениями и подкормкой закрывали все окна, за исключением небольших проемов для наблюдения. У каждого из них сидел дежурный со вскрытой банкой угольной растопки и горкой самодельных факелов. Всего сделали пять проемов, и Ден Миллер организовал смену дежурств. К этому времени я уже сидел на мешке у одного из проемов, Билли примостился рядом, и мы всматривались в туман.

Сразу за окном стояла красная скамейка, где люди иногда поджидали друг друга, поставив рядом сумки с покупками. Дальше начиналась автостоянка. Плотный тяжелый туман медленно перемещался. Один вид его заставлял чувствовать себя безвольным и проигравшим.

— Папа, ты знаешь, что происходит? — спросил Билли.

— Нет, малыш, — ответил я.

Он замолчал, разглядывая свои руки, лежащие на коленях.

— А почему нас никто не спасает? — спросил он наконец. — Полиция, ФБР или еще кто-нибудь?

— Я не знаю.

— А ты думаешь, с мамой все в порядке?

— Билли, я просто не знаю, — ответил я и обнял его за плечи.

— Я очень хочу к маме... — прошептал Билли, борясь со слезами. — Я больше не буду плохо себя вести.

— Билли... — сказал я и остановился, ощутив в горле солоноватый привкус и едва сдерживая дрожь в голосе.

— Это когда-нибудь кончится, папа? Кончится?

— Не знаю, — ответил я, и он уткнулся лицом в мое плечо. Я положил руку ему на затылок и почему-то вспомнил вечер того дня, когда мы со Стефф обручились. Я смотрел, как она снимает простое коричневое платье, в которое она переделалась после церемонии. На бедре у нее был большой фиолетовый синяк, оттого что за день до венчания она ударилась о полуоткрытую дверь. Помню, я смотрел на этот синяк, думая: «Когда она наставила себе этот синяк, она была еще Стефени Степанек», и испытывал что-то вроде удивления. Потом мы лежали рядом, а за окном сыпал с тускло-серого декабрьского неба снег.

Билли заплакал.

— Тш-ш-ш, Билли, тш-ш-ш, — говорил я ему, чуть покачивая голову, но Билли продолжал плакать. Такой плач успокаивают только матери.

В «Федерал Фукс» наступила преждевременная ночь, и Бад Браун раздал штук двадцать фонариков — все, что были в запасе. Нортон от лица своей группы громко потребовал выделить для них фонари и получил два. Пятна света запрыгали по проходам, словно беспокойные призраки.

Прижимая к себе Билли, я продолжал смотреть в проем между мешками. Молочный полупрозрачный свет снаружи почти не изменился. Стало темно, оттого что мы заложили витрины мешками. Несколько раз мне казалось, будто я что-то вижу, но скорее всего мне это просто казалось.

Билли снова увидел миссис Терман и, обрадовавшись, побежал к ней, хотя она и не приходила посидеть с ним целое лето. Ей тоже выделили фонарик, и она позволила поиграть с ним Билли. Скоро Билли уже выписывал свое имя лучом на чистых стеклянных панелях шкафов с замороженными продуктами. Оба они, похоже, были одинаково рады видеть друг друга и через какое-то время вдвоем подошли ко мне. На груди у Хэтти Терман, высокой, худощавой женщины с красивыми рыжими волосами, в которых только-только начала появляться седина, висели на цепочке с орнаментом очки — такие очки, как я понимаю, с полным правом могут носить лишь женщины средних лет.

— Стефани здесь, Дэвид? — спросила она.

— Нет. Дома.

Она кивнула.

— Алан тоже. Долго тебе еще дежурить?

— До шести.

— Что-нибудь видел?

— Нет. Только туман.

— Если хочешь, я побуду с Билли до шести.

— Ты хочешь, Билли?

— Да. Можно? — ответил он, медленно выводя фонариком дугу над головой и глядя на игру света на потолке.

— Господь сохранит твою Стефани и моего Алана, — сказала миссис Терман и увела Билли за руку. Она сказала это с искренней убежденностью, но в глазах ее не было уверенности.

Около пяти тридцати в дальнем конце магазина послышались громкие спорящие голоса. Кто-то над чем-то рассмеялся, и кто-то — я думаю, это был Бадди Иглтон — выкрикнул:

— Вы все сумасшедшие, если туда собираетесь.

Несколько лучей света сошлись в центре группы спорящих, потом двинулись вместе с ними к выходу. Резкий издевательский смех миссис Кармоди, напоминающий неприятный звук, раздающийся, когда ведешь пальцем по грифельной доске, расколол тишину. А над гомоном голосов послышался адвокатский тенор Нортон:

— Позвольте пройти! Позвольте нам пройти!

Мужчина, дежуривший у соседнего со мной проема, оставил свой пост и пошел посмотреть, из-за чего крики. Я решил остаться на месте: люди все равно двигались в мою сторону.

— Пожалуйста, — говорил Майк Хатлен, — давайте все обговорим.

— Нам не о чем разговаривать, — заявил Нортон. Из темноты выплыло его лицо, решительное, но изможденное и несчастное. В руках он держал один из выделенных «Обществу» фонариков. Закрученные пучки волос все еще торчали у него за ушами, как украшение рогоносца. Нортон вел за собой маленькую группку людей — пять человек из тех девяти или десяти, что были с ним вначале.

— Мы идем на улицу, — объявил он.

— Что за сумасшествие? — спросил Миллер. — Майк прав. Мы ведь можем все обсудить. Мистер Маквей жарит кур на газовом гриле, и мы можем сесть спокойно, поесть и...

Он оказался на пути Нортон, и тот оттолкнул его. Миллеру это не понравилось. Лицо его налилось краской.

— Можете делать что хотите, — заявил он. — Но вы ведете этих людей на смерть.

Ровным тоном, свидетельствующим о непреклонной решимости или о непробиваемом заблуждении, Нортон сказал:

— Мы пришлем вам помощь.

Один из сторонников Нортон пробормотал что-то в его поддержку, но другой в этот момент потихоньку скользнул в сторону. Теперь с Нортон осталось четверо. Может быть, это не так уж и плохо: даже самому Христу удалось найти только двенадцать.

— Послушайте, — сказал Майк Хатлен. — Мистер Нортон... Brent, останьтесь по крайней мере поесть. Горячее вам не помешает.

— Чтобы дать вам шанс продолжить ваши уговоры? Я слишком много времени провел на судебных заседаниях, чтобы попасться на эту удочку. Вы уже одурачили с полдюжины моих людей.

— Ваших людей? — Хатлен почти простонал. — Ваших людей? Боже праведный, что это за разговоры? Они просто люди, и все. Это не игра и тем более не судебное заседание. Там, снаружи, бродят какие-то твари, другого слова и не подберешь, так какой же смысл рисковать своей жизнью?

— Твари, говорите? — сказал Нортон с усмешкой. — Где? Ваши люди уже часа два дежурят у проемов. Кто-нибудь хоть что-нибудь видел?

— Но там, позади магазина...

— Нет, нет, и нет, — сказал Нортон, качая головой. — Это мы уже обсуждали не один раз. Мы уходим...

— Нет, — прошептал кто-то, и этот звук разнесся вдруг, отражаясь эхом, словно шорох листьев в полумраке октябрьского вечера. — Нет-нет-нет...

— Вы попытаетесь удержать нас силой? — пронзительным голосом спросила престарелая леди в бифокальных очках, одна из «людей Нортон», если воспользоваться его

же термином. — Вы хотите задержать нас?

Мягкое бормотание протестующих голосов стихло.

— Нет, — ответил Майк. — Я не думаю, что кто-то будет вас задерживать.

Тут я наклонился, зашептал на ухо Билли, и он посмотрел на меня вопросительно и удивленно.

— Прямо сейчас беги, — сказал я. — Быстренько.

Нортон пригладил волосы рассчитанным жестом бродвейского актера. Мне он нравился гораздо больше, когда беспомощно дергал стартер бензопилы, сокрушаясь и думая, что его никто не видит. Я не мог сказать тогда и сейчас не знаю, верил ли он в то, что делает, или нет. Глубоко внутри, я думаю, он знал, что должно случиться. Я думаю, что та логика, которой он молился всю жизнь, в конце концов обернулась против него, как взбесившийся и озверевший некогда дрессированный тигр.

Он беспокойно огляделся вокруг, словно желал сказать что-нибудь еще, потом повел четверку своих сторонников мимо одной из касс. Кроме старушки, с ним были пухлый парень лет двадцати, молодая девушка и мужчина в джинсах и сдвинутой на затылок шапочке для гольфа.

Взгляд Нортон встретился с моим, глаза его чуть расширились, потом ушли в сторону.

— Brent, подожди минуту, — сказал я.

— Я не хочу больше ничего обсуждать. Тем более с тобой.

— Я знаю, но хочу попросить об одном... — Я обернулся и увидел, что Билли бежит к кассам.

— Что это? — спросил Нортон подозрительно, когда Билли вручил мне целофановый пакет.

— Бельевая веревка, — ответил я, смутно понимая, что сейчас все в супермаркете смотрят на нас, собравшись по другую сторону от линии касс. — Тут ее довольно много. Триста футов.

— И что?

— Я подумал, может быть, ты привяжешь один конец за пояс перед тем, как выйти. Когда веревка натянется, привяжи ее к чему-нибудь. Например, к дверце машины.

— Боже, зачем?

— Я буду знать, что вы прошли по крайней мере триста футов.

Что-то мелькнуло в его глазах, но только на мгновение.

— Нет, — сказал он.

Я пожал плечами.

— О'кей. В любом случае, удачи.

Мужчина в кепочке для гольфа неожиданно сказал:

— Я сделаю это, мистер. Почему бы нет...

Нортон обернулся к нему, словно собирался что-то сказать резкое, но мужчина посмотрел на него пристально и спокойно. Он решил, и у него не было никаких сомнений. Нортон тоже понял это и промолчал.

— Спасибо, — сказал я, разрезая упаковку своим карманным ножом, и веревка вывалилась гармошкой жестких колец. Я вытащил один конец и обвязал пояс «Чемпиона по гольфу» свободной петлей с простым узлом. Он тут же развязал веревку и быстро затянул туже на добротный морской узел. В зале магазина стояла полнейшая тишина. Нортон в нерешительности переминался с ноги на ногу.

— Дать нож? — спросил я мужчину.

— У меня есть, — он взглянул на меня. — Ты, главное, следи за веревкой. Если она запутается, я ее обрежу.

— Мы все готовы? — Спросил Нортон слишком громким голосом. Пухлый парень подскочил, будто его толкнули.

Не получив ответа, Нортон двинулся к выходу.

— Brent, — сказал я, протягивая руку. — Удачи.

Он посмотрел на мою руку с сомнением.

— Мы придем вам помочь, — сказал он наконец и толкнул дверь с надписью «Выход».

Я снова почувствовал тот едкий запах. «Его люди» последовали за Нртоном. Майк Хатлен подошел и остановился в медленно движущемся молочном тумане. Нортон сказал что-то, что я вполне мог бы расслышать на таком расстоянии, но туман, казалось, гасил все звуки. Кроме двух-трех слогов, словно доносящихся из работающего вдалеке радиоприемника, я не расслышал ничего. Потом они начали удаляться.

Хатлен придерживал открытую дверь. Я стравливал веревку и старался, чтобы она свободно провисала, помня об обещании перерезать ее, если она застрянет. Снаружи все еще не доносилось ни звука. Билли стоял рядом, и я почувствовал, как он дрожит от напряжения. Снова возникло странное чувство, что эти пятеро не исчезли в тумане, а просто стали невидимы. Какое-то мгновение их одежда плыла уже без них, а затем и она пропала. Этот туман по-настоящему впечатлял своей плотностью, лишь когда можно было увидеть, как он проглатывает людей буквально в течение секунд.

Я продолжал стравливать веревку. Сначала ушла в туман четверть, потом половина. На мгновение движение прекратилось, веревка обмякла. Я задержал дыхание, но веревка снова пошла, скользя у меня между пальцами.

Ушло три четверти веревки, и я уже видел ее конец, лежащий на ботинке Билли, но тут веревка в моей руке снова остановилась. Секунд пять она лежала неподвижно, затем рывком ушли пять футов, и вдруг, резко дернув влево, веревку натянуло о край двери так, что она даже зазвенела.

Еще двадцать футов сдернуло рывком с моей руки, оставив на моей ладони ожог, и из тумана донесся высокий дрожащий крик. Я даже не мог понять, мужчина кричит или женщина.

Снова дернуло веревку. И снова. Ее мотало в дверном проеме то влево, потом уползло еще несколько футов, и из тумана донесся захлебывающийся вопль, услышав который Билли застонал, а Хатлен замер с широко раскрытыми от ужаса глазами.

Вопль внезапно оборвался, и, казалось, целую вечность стояла тишина. Затем закричала старушка, и на этот раз никаких сомнений насчет того, кто кричит, не было.

— Уберите его от меня! — кричала она. — О, господи, господи, уберите... — Голос ее оборвался.

Внезапно почти вся веревка сбежала с моей ладони, оставив новый ожог и обвисла. Из тумана донеслось сочное громкое хрюканье, от которого у меня во рту тут же пересохло.

Такого звука я не слышал никогда в жизни, но ближе всего тут подошло бы сравнение с фонограммой из какого-нибудь кинофильма, снятого в южноамериканских болотах. Такой звук могло издать только очень большое животное. Он снова донесся до нас, низкий, неистовый, звериный звук. И снова. Потом перешел в прерывистое бормотание и затих.

— Закройте дверь, — дрожащим голосом попросила Аманда Дамфрис. — Пожалуйста.

— Минуту, — сказал я и потянул за веревку.

Она выползла из тумана и укладывалась у моих ног неровными петлями и кольцами. Последние фута три новой бельевой веревки с обгрызленным концом были окрашены в красно-кирпичный цвет.

— Смерть! — выкрикнула миссис Кармоди. — Там — смерть! Вы все видели?

Никто не стал спорить с миссис Кармоди.

Майк Хатлен отпустил дверь, и она захлопнулась.

Мистер Маквей работал в Бриджтоне мясником еще с тех пор, когда мне было лет двенадцать или тринадцать, но я не знал ни его имени, ни каков его возраст. Он установил небольшой газовый гриль под одной из вентиляционных решеток (вентиляторы не работали, но решетки создавали хоть какую-нибудь тягу), и к 6:30 вечера запах жарящихся цыплят заполнил весь магазин. Бад Браун не стал возражать. Может быть, от потрясения. Но скорее всего, он просто осознал, что птица и мясо со временем отнюдь не становятся свежее. Цыплята пахли великолепно, но не всем хотелось есть. Мистер Маквей, маленький худой и аккуратный в своем белом халате, все равно продолжал жарить цыплят, укладывать куски на бумажные тарелки и расставлять их, как это делают в кафетериях, на мясных прилавках.

Миссис Терман принесла нам с Билли по порции с гарниром из картофельного салата. Я поел сколько смог, но Билли даже не притронулся к своей тарелке.

— Тебе надо поесть, силач, — сказал я.

— Я не голоден, — ответил он и отодвинул тарелку.

— Ты не станешь большим и сильным, если...

Миссис Терман покачала головой.

— Ладно, — сказал я. — По крайней мере, пойдешь съешь персик. О'кей?

Билли медленно пошел вдоль стеллажей. Мне показалось, он как-то сник, и мое сердце сжималось, когда я видел его таким. Мистер Маквей продолжал жарить цыплят, очевидно, совершенно не обращая внимания на то, что почти никто не ест, удовлетворенный, видимо, своими чисто механическими действиями. Кажется, я уже писал, что люди по-разному реагируют на подобные ситуации. Трудно представить, что это может быть так, но это действительно так.

Мы с миссис Терман сидели в середине аптечного ряда, и нам было видно, что по всему магазину люди собирались маленькими группками. Никто, кроме миссис Кармоди, не сидел один. Даже Майрон и Джим были вместе: оба храпели у пивного охладителя.

Шестеро новых дежурных сидели у проемов в мешках. Одним из них был Олли. Он грыз цыплячью ногу и запивал ее пивом. У каждого поста стояли прислоненные к мешкам факелы, изготовленные из швабр, а рядом банки с угольной растопкой, но, я думаю, никто теперь уже не верил в эти приготовления так, как раньше. После того ужасного звериного рыка и после отгрызенной окровавленной веревки никто уже не верил. Если что-то оттуда, снаружи, захочет нас, оно свое получит. Оно или они.

— Насколько опасно будет сегодня ночью? — спросила миссис Терман. Голос ее звучал спокойно, но в глазах застыл испуг.

— Хэтти, я не знаю.

— Пусть Билли побольше будет со мной... Я... Дэвид, я боюсь смертельно. — Она коротко хохотнула. — Да, это, видимо, так называется. Но если Билли будет со мной, я буду

в порядке. Ради него.

Глаза ее блестели. Я наклонился и тронул ее за плечо.

— Я так волнуюсь за Алана, — сказала она. — Но он, наверно, мертв, Дэвид. Я сердцем чувствую, что его уже нет.

— Не надо, Хэтти. Ты не можешь этого знать.

— Но я чувствую, что это так. Ты ничего не чувствуешь про Стефани? Хоть какое-то ощущение?

— Нет, — солгал я, стиснув зубы.

Она издала горлом странный сдавленный звук и зажала рот рукой. В ее очках отражались отсветы лучей фонариков.

Билли ел персик. Хэтти Терман похлопала по полу рядом с собой и сказала, что, когда он доест, она покажет ему, как из персиковой косточки и нитки делается человечек. Билли устало улыбнулся ей, и она улыбнулась в ответ.

В 20:00 новые шестеро дежурных сели у проемов, и Олли подошел ко мне.

— Где Билли?

— Там, дальше, с миссис Терман, — ответил я. — Занимаются рукоделием. Они уже прошли человечков из персиковых косточек, маски из пакетов и яблочных кукол, а теперь мистер Маквей показывает ему, как делать маленьких трубочистов.

Олли сделал большой глоток пива и сказал:

— Там, за окнами, что-то движется.

Я пристально посмотрел на него, но он ответил мне уверенным взглядом.

— Что ты имеешь в виду? Что там движется?

— Я не уверен. Спросил у Уолтера, и он сказал, что у него такое же чувство. На минуту какая-то область тумана становится темнее, иногда просто маленькая полоса, иногда пятно, похожее на синяк. Потом снова пропадет. И сам туман шевелится. Даже Эрни Симмс почувствовал, что там что-то происходит, а он слепой как летучая мышь.

— А остальные?

— Они все из других штатов, я их не знаю, — сказал Олли. — Я ни у кого из них не спрашивал.

— Ты уверен, что тебе не померещилось?

— Уверен, — кивнул он и кивнул в сторону миссис Кармоди, сидевшей в одиночестве в конце прохода. Происшедшее отнюдь не испортило ей аппетита, и на ее тарелке лежала целая груда цыплячьих костей.

— В одном она была права, — добавил Олли. — Мы все узнаем. Станет темно, и мы все узнаем.

Темноты ждать не пришлось. Когда это случилось, Билли почти ничего не видел, потому что миссис Терман держала его в дальнем конце магазина. Олли сидел со мной, когда один из дежуривших ввизгнул и, размахивая руками, отскочил от проема. Время приближалось к 20:30. Жемчужно-белый туман снаружи потемнел до ровного серого цвета ноябрьских сумерек.

Что-то прижалось со стороны улицы к стеклу одного из проемов.

— Боже! — вскрикнул дежуривший там мужчина. — Пустите меня! Я не могу!

И он, выпучив глаза, побежал, кидаясь из стороны в сторону. Кто-то еще вскрикнул в темноте, и люди побежали посмотреть, что происходит. Другие, наоборот, кинулись в

дальний конец зала, не интересуясь и не заботясь, что там ползает по стеклам снаружи.

Мы с Олли двинулись к проему. Олли держал руки в кармане брюк, куда положил револьвер миссис Дамфрис. Еще один наблюдатель вскрикнул, но скорее от отвращения, чем от страха.

Мы прошли мимо касс, и теперь я понял, что напугало дежурных. Я не знал, что это, но я мог видеть. Существо немного походило на эти странные игрушки из винила за доллар 98 центов, что люди покупают, чтобы поугагать друзей.

Фу́та два длинной, сегментированная тварь цвета розовой заживающей после ожога кожи. Два выпуклых глаза на стебельках. Существо ползло по стеклу, цепляясь толстыми присосками. За спиной существа медленно колыхались огромные слюдяные крылья, похожие на крылья мухи.

У другого проема, слева от нас, по стеклу ползали, оставляя за собой липкие улиточные следы, сразу три такие твари. Глаза, если это на самом деле глаза, покачивались на концах стебельков толщиной в палец. Самая большая из этих тварей была около четырех футов длиной. Время от времени они переползали друг через друга.

— Чертовщина какая-то, — сказал Том Смолли с омерзением в голосе. Он стоял у проема справа от нас. Я промолчал. Если эти твари ползают по окнам у каждого проема, значит, они облепили все здание... Как черви кусок мяса...

Где-то плакали. Миссис Кармоди кричала про «исчадия ада». Кто-то грубо приказал ей заткнуться, если она не хочет получить...

Олли достал из кармана револьвер. Я схватил его за руку.

— Не сходи с ума.

— Я знаю что делаю, — сказал он, высвобождаясь, потом с застывшей на лице маской отвращения постучал стволом по стеклу. Твари заработали крыльями так быстро, что их почти не стало видно, потом взлетели.

Другие увидели, что делает Олли, и, воспользовавшись идеей, стали стучать по окнам рукоятками швабр. Твари улетали, но вскоре возвращались обратно. Очевидно, мозгов у них было не больше, чем у обыкновенной мухи. Почти паническая обстановка разрядилась гомоном разговоров, и я услышал, как кто-то спрашивает, что будет, если такая тварь на тебя сядет. Отнюдь не тот вопрос, ответ на который мне бы хотелось узнать из личного опыта.

Стук по окнам стал утихать. Олли повернулся ко мне, собираясь что-то сказать, но не успел он открыть рот, как из тумана вынырнуло еще что-то и схватило ползающую по стеклу тварь. Кажется, я закричал. Не помню.

Участок тумана потемнел и превратился во что-то с хлопающими кожистыми крыльями, белым, как у альбиноса, телом и красноватыми глазами. Это что-то схватило розовую тварь и исчезло. Все вместе заняло не более пяти секунд. Мне показалось, что розовая тварь дергалась и трепыхалась, исчезая в глотке, как трепыхается маленькая рыбешка в клюве чайки.

Раздался еще один удар, потом еще. Снова послышались крики, и люди опять бросились в дальний конец магазина. Потом кто-то пронзительно вскрикнул, на этот раз от боли, и Олли сказал:

— О, господи, там упала старушка, и ее чуть не растоптали.

Он бросился в проход между кассами. Я повернулся было бежать за ним, но тут заметил нечто такое, что меня остановило.

Справа от меня один из мешков с удобрениями под самым потолком начал сползать.

Том Смолли сидел прямо под ним, глядя в туман через свою амбразуру.

Еще одна розовая тварь плюхнулась на стекло у проема, где стояли мы с Олли, и ее тут же подхватил спикировавший летающий хищник. Сбитая с ног старушка продолжала кричать пронзительным надтреснутым голосом.

Мешок! Мешок сползал!

— Смолли! — крикнул я. — Берегись! Сверху!

В общем шуме он меня так и не расслышал. Мешок упал прямо ему на голову. Смолли рухнул на пол, задев подбородком низкую полку, проходящую над витриной.

Одна из тварей-альбиносов начала протискиваться через рваную дыру в стекле, и теперь, когда крики немного стихли, я расслышал производимый ею мягкий скребущий звук. На чуть склоненной в сторону треугольной голове поблескивали красные глаза. Хищно раскрывался и закрывался тяжелый загнутый клюв. Тварь одновременно напоминала птеродактиля из книги про доисторических животных и фрагмент бредового сна сумасшедшего.

Я схватил один из факелов и обмакнул его в банку с угольной растопкой.

Летающая тварь уселась на верхний мешок, оглядываясь вокруг и медленно, зловеще переступая с одной когтистой лапы на другую. Я уверен, что эти существа тоже глупы: дважды оно пыталось расправить крылья, ударяясь ими о стены, и складывало их за горбатой спиной, словно гриф. В третий раз тварь потеряла равновесие и неуклюже свалилась со своего насеста, упав на спину Тома Смолли. Одним движением когтистой лапы она разорвала рубашку Тома и расплосовала его спину до крови.

Я стоял всего в трех футах от нее. С факела капала жидкость для растопки, и я готов был убить эту тварь, но тут понял, что мне нечем зажечь огонь. Последнюю спичку я истратил за час до того, зажигая мистеру Маквею сигарету.

В зале творилось что-то невероятное. Люди увидели сидящую на спине Смолли тварь — зрелище, которого никто никогда на земле еще не видел. Тварь стремительно ударила клювом и вырвала кусок мяса из шеи Смолли.

Я уже собирался воспользоваться факелом как дубинкой, когда обмотанный тряпками конец его вдруг вспыхнул. Рядом, держа зажигалку с эмблемой морской пехоты, стоял Ден Миллер. Лицо его словно окаменело от ужаса и ярости.

— Убей ее, — хрипло сказал он. — Убей.

Тут же с револьвером в руке стоял Олли, но он не мог стрелять из опасения попасть в Тома.

Тварь расправила крылья и взмахнула ими, явно не собираясь взлетать, а просто чтобы лучше уцепиться за свою жертву, потом обволокла крыльями туловище бедняги Смолли, и оттуда донесся звук чего-то рвущегося. Отвратительный звук, я даже не могу его описать.

Все это произошло за считанные секунды. Затем я ткнул в нее горящим факелом. У меня возникло ощущение, что я ударил что-то не более прочное, чем воздушный змей, и в следующий момент тварь вспыхнула, издав скрежещущий звук и снова, расправив крылья. Голова ее задергалась, глаза закатились. Потом со звуком, напоминающим хлопающие на ветру простыни, тварь взлетела и опять издала этот ржавый скребущий крик.

Следя за ее огненным предсмертным полетом, повернулись головы. Наверное, из всего происшедшего ничто не запомнилось мне ярче, чем этот зигзагообразный полет пылающей твари в зале супермаркета. Она летела, роняя то тут, то там горящие куски, и в конце концов рухнула на стеллаж с соусами для спагетти. От нее не осталось почти ничего, кроме пепла и

костей. По магазину пополз тошнотворный резкий запах горящего мяса, и, словно подчеркивая его, появился другой — тонкий едкий запах тумана, проникающего в разбитое окно.

Мгновение стояла тишина. Нас всех словно околдовала черная магия этого огненного полета. Потом все закричали, и откуда-то издалека я услышал плач сына. Кто-то схватил меня за плечо. Оказалось, Бад Браун. Глаза его лезли из орбит, рот скривился в гримасе, открывающей искусственные зубы.

— Там еще одна. Другая... — Сказал он, показывая рукой.

Сквозь дыру в стекле пролезла розовая тварь и уселась на мешке с удобрениями, тараща глаза на стебельках и жужжа своими мушиными крыльями, как дешевый вентилятор. Розовое болезненно-пухлое тело быстро вздымалось и опадало.

Мой факел еще не погас, и я бросился к ней, но меня опередила миссис Репплер, учительница третьих классов, лет пятидесяти, может быть, шестидесяти, худая, сухощавая женщина, которая своим видом всегда напоминала мне полоску вяленого мяса.

В каждой руке она держала по баллону с аэрозолем, словно какой-то персонаж из фильма ужасов. Издав яростный крик, сделавший бы честь любому пещерному человеку, разбивающему череп врага, она вытянула вперед руки с баллонами и нажала обе кнопки. Густой слой инсектицида покрыл розовую тварь, и она забилась в конвульсиях, завертелась и наконец свалилась с мешков, отскочила от тела уже, без всяких сомнений, мертвого Тома Смолли и упала на пол. Крылья бешено жужжали, но они уже не могли никуда ее унести: их покрывал толстый слой аэрозоля. Через несколько секунд крылья ослабли, потом замерли, и тварь умерла.

Я снова услышал плач. И стоны. Все еще стонала затоптанная пожилая леди. Откуда-то доносился смех. Смех сумасшедшего. Миссис Репплер, часто и тяжело дыша, стояла над своей жертвой.

Катлен и Миллер нашли небольшую тележку типа тех, на которых грузчики подвозят к секциям магазина ящики с товарами, и вдвоем они запихнули ее на мешки с удобрениями, закрыв клинообразную дыру в стекле. В качестве временной меры это было неплохо.

Двигаясь, словно лунатик, появилась Аманда Дамфрис. В одной руке она держала пластиковое ведро, в другой метелку, все еще завернутую в прозрачный целлофан. Она наклонилась, глядя перед собой огромными пустыми глазами, и замела мертвую розовую тварь в ведро. Я даже расслышал треск целлофановой обертки, когда Аманда водила метелкой по полу. Потом она подошла к двери — к счастью, на ней не было этих тварей, — приоткрыла ее немного и выбросила ведро на улицу. Оно упало на бок, перекатываясь туда-обратно по сокращающейся дуге. Еще одно розовое насекомое появилось с жужжанием из темноты, уселось на ведро, потом принялось ползать вокруг. Аманда разрыдалась.

Мы с Олли сходили на склад и принесли еще штук шесть подстилок, таких же, какими я укрыл Билли. Теперь на них спали люди. Потом мы притащили несколько тяжелых ящиков с апельсинами и персиками и вчетвером затолкали их на мешки напротив разбитого стекла. Этим птицеобразным тварям пришлось бы поработать, чтобы сдвинуть ящик, каждый из них весил футов девяносто.

Но «птицы» и розовые твари были не единственными, кто таился в тумане. Были еще щупальца, утащившие Норма. И обгрызенный конец веревки тоже заставлял кое о чем задуматься. Было, наконец, то существо, что издавало низкий гортанный рев. До нас время

от времени доносились эти звуки, чаще издалека, хотя кто может сказать, как далеко это «издалека», когда туман так гасит звуки? А иногда они раздавались так близко, что тряслось здание, и казалось, что сердце вдруг наполняется ледяной водой.

Билли зашевелился во сне и застонал. Я погладил его по голове, и он простонал чуть громче, но потом, похоже, снова уплыл в менее опасные воды сновидений. С наступлением темноты мне самому удалось поспать лишь полтора часа.

Не только мы с Билли спали плохо. Одни вскрикивали во сне, другие продолжали кричать уже проснувшись. Пиво исчезало из охладителя с огромной скоростью. Бадди Иглтон без комментариев подвез со склада еще несколько ящиков. Майк Хатлен сказал мне, что кончился «Соминекс». Полностью. Видимо, некоторые брали снотворное по шесть-восемь бутылочек.

— Есть еще «Нитол», — сказал он. — Хочешь, Дэвид?

Я покачал головой.

В проходе у кассы номер пять обосновались наши пьянчуги. Их было человек семь, все из других штатов, кроме Лу Таттингера, работавшего на мойке машин. Лу, как говорится, никогда долго не искал повода, чтобы понюхать пробку. Вся винная бригада анестезировала себя уже довольно прилично.

Да. Еще было человек шесть-семь, которые сошли с ума. Не совсем точный термин, но я не могу придумать лучшего. Эти люди впали в полнейшую апатию без помощи пива, вина или пилюль. Пустыми, блестящими, как медная дверная ручка, глазами смотрели они вокруг. Твердый бетон реальности дал трещину в каком-то немыслимом землетрясении, и эти бедняги в нее провалились. Со временем они могли бы оправиться. Если бы было время. Остальные приноровились к ситуации, сделав собственные выводы и компромиссы, порой несколько странные. Миссис Репплер, например, была уверена, что это все сон. Так, по крайней мере, она сказала. Но сказала с убеждением.

Около четырех Билли проснулся и огляделся вокруг сонными непонимающими глазами.

— Мы еще здесь?

— Да, родной, — сказал я. — Еще здесь.

Он заплакал слабо, беспомощно, и это было ужасно. Аманда проснулась и поглядела на нас.

— Эй, малыш, — сказала она, мягко обнимая Билли. — Придет утро, и все будет гораздо лучше.

— Нет, — упрямо ответил Билли. — Не будет. Не будет. Не будет...

— Тс-с-с, — сказала она, глядя на меня поверх его головы. — Тебе давно пора спать.

— Я хочу к маме!

— Знаю, малыш, — сказала Аманда. — Конечно.

Пристроившись к ней, Билли повертелся немного и лег так, чтобы ему было меня видно. Какое-то время он смотрел на меня, потом снова уснул.

— Спасибо, — сказал я. — Может быть, вы были ему нужны.

— Он меня даже не знает.

— Это не важно.

— А что, вы думаете, будет дальше? — спросила она, не сводя с меня твердого взгляда своих зеленых глаз. — Что вы действительно думаете?

— Спросите меня утром.

— Я спрашиваю сейчас.

Я уже собрался было ответить, но тут из темноты, словно нечто из рассказа ужасов, материализовался Олли Викс. В руках он держал направленный в потолок фонарь с обернутой вокруг отражателя женской кофточкой, и приглушенный свет отбрасывал на его лицо странные тени.

— Дэвид, — прошептал он.

Аманда взглянула на него, сначала встревоженно, потом снова испуганно.

— Что такое, Олли? — Спросил я.

— Дэвид, — повторил он. — Пойдем. Пожалуйста.

— Я не хочу оставлять Билли. Он только что уснул.

— Я побуду с ним. — сказала Аманда. — Вы идите. — Потом добавила чуть тише: — боже, это никогда не кончится.

Я пошел вслед за Олли. Он направился к складскому помещению и, проходя мимо пивного охладителя, схватил банку пива.

— Олли, что случилось?

— Я хочу, чтобы ты сам увидел.

Мы прошли за двойные двери, и створки закрылись за нами, чуть всколыхнув воздух. Здесь было холодно. Место это совсем не нравилось мне после того, что случилось с Нормом. Кроме того, я вспомнил, что где-то здесь все еще валяется отрубленный кусок щупальца.

Олли убрал закрывающую отражатель кофточку и направил луч фонарика вверх. В первый момент мне показалось, что кто-то подвесил на обогревательную трубу под потолком два манекена. Знаете, детские шуточки в канун дня всех святых?..

Затем я увидел ноги, висящие в семи дюймах от бетонного пола, и две кучки разбросанных картонных коробок. Я взглянул вверх и в горле у меня начал подниматься крик, потому что там были лица, но не манекенов. Обе головы свернулись набок, словно их хозяева смеялись над какой-то жутко забавной штукой, так смеялись, что лица их посинели.

Оба были в военной форме. Те самые молодые солдаты, которых я заметил еще вначале, но потом потерял из вида в суете событий. Солдаты из...

Крик. Я ощущал, как он поднимается у меня в горле, словно стон полицейской сирены, но тут Олли схватил меня за руку над локтем.

— Не кричи, Дэвид. Кроме нас с тобой, никто еще не знает. И лучше будет, если так и останется.

Как-то я справился с собой и проговорил:

— Это военные...

— Из «Проекта Стрела», — сказал Олли. — Точно.

Что-то холодное ткнулось мне в руку. Банка пива...

— На, выпей. Полегчает.

Я осушил ее мигом, и Олли начал рассказывать.

— Я пришел посмотреть, нет ли здесь еще баллонов для гриля мистера Маквея. И увидел их.

— Но почему?

— Я думаю, ты знаешь, почему. Конечно, летние туристы, вроде этого парня, Миллера, не поймут, но здесь есть и местные, которые вполне могут догадаться.

— «Проект Стрела»?

— Я целыми днями стою у касс, — сказал Олли, — и многое слышу. Всю весну до меня

доходили слухи про эту чертову «Стрелу», но ни одного хорошего.

Я вспомнил, как Билл Джости наклонился к окну моей машины, дохнув мне в лицо теплым алкогольным перегаром... «Не просто атомы, а *другие атомы*».

— Я слышал кое-что. Сразу от нескольких людей, — продолжил Олли. — Джастин Робаде, Ник Точай, Бен Майклсон. В маленьких городах секретов не бывает. Что-то обязательно всплывает. Иногда это как родник: он просто выбивается из-под земли, и никто не знает, откуда он взялся. Ты что-то услышал в библиотеке, передал кому-то другому. Или на пристани в Харрисоне... Бог знает, где еще и почему. Но все лето слышу: «Проект Стрела», «Проект Стрела»...

— Но эти двое... — сказал я. — Боже, Олли, они еще совсем мальчишки.

— Во Вьетнаме такие мальчишки отрезали у местных уши. Я был там. Я видел.

— Но... Что заставило их сделать это?

— Не знаю. Может быть, они знали что-то. Или догадывались. Но они, видимо, понимали, что люди в конце концов начнут задавать им вопросы.

— Если ты прав, — сказал я, — то это должно быть что-то действительно кошмарное.

— Буря, — сказал Олли мягким ровным голосом. — Может, там что-то повредило во время бури. Может, случилась какая-то катастрофа. Кто знает, чем они там занимались? Некоторые утверждали, что там экспериментировали с высокомоощными лазерами и мазерами. А иногда я слышал про термоядерную энергетику. Вдруг они... Прокололи дыру в каком-нибудь другом измерение?

— Бред, — сказал я. — Но сейчас перед нами другая проблема. Что мы будем делать?

— Я думаю, надо срезать их и спрятать, — тут же предложил Олли. — Завалить их чем-нибудь, что никому не понадобится. Собачьими консервами, стиральным порошком или еще чем. Если люди об этом узнают, будет только хуже. Именно поэтому я и пришел к тебе, Дэвид. Я никому больше не мог довериться.

— Как нацистские военные преступники, — пробормотал я, — которые кончали с собой в камерах...

— Да. Я тоже об этом подумал.

Мы замолчали, и неожиданно снаружи из-за стальной загрузочной двери снова донеслись скребущие звуки щупалец, ползающих у входа. Мы невольно встали ближе друг к другу, и я почувствовал, как по коже у меня бегают мурашки.

— Быстро закочим — и обратно, — сказал Олли. В свете фонаря тускло блеснуло его сапфировое кольцо. — Я хочу выбраться отсюда поскорей.

Олли со щелчком открыл свой нож, удобный для того, чтобы вскрывать картонные коробки. И разумеется, перерезать веревки.

— Ты или я? — спросил он.

— Каждому по одному, — ответил я, проглотив комок в горле.

Когда мы вернулись, подступала заря. Чернота в проемах между мешками с удобрениями очень неохотно уступила место серому густому цвету, потом желтоватому и наконец яркой безликой матовой белизне экрана кинотеатра на открытом воздухе. Майк Хатлен спал в складном кресле, которое он неизвестно где выкопал. Ден Миллер сидел неподалеку на полу и уминал пончик, посыпанный сахарной пудрой.

— Садитесь, мистер Дрэйтон, — пригласил он. — Берите пончик. — Он протянул мне коробку.

Я покачал головой.

— Эта сахарная пудра — верная смерть. Хуже сигарет.

— Тогда возьмите два, — сказал он, рассмеявшись.

Я с удивлением обнаружил, что во мне тоже осталось немного смеха. Он выманил его из меня, и этим мне понравился. Я взял два пончика, и они оказались довольно приятными на вкус. После них я выкурил сигарету, хотя обычно не курю по утрам.

— Мне надо к сыну, — сказал я. — Он скоро проснется.

Миллер кивнул.

— Эти розовые жуки... — Сказал он. — Все исчезли. И птицы. Хэнк Ваннермаг говорит, что последняя ударилась в окно около четырех. Видимо, этот зверинец гораздо активнее, когда темно.

— Brent Нортон так бы не сказал, — заметил я. — И Норм.

Он снова кивнул, помолчал, потом закурил сигарету и взглянул на меня.

— Мы не можем здесь долго оставаться, Дрэйтон, — сказал он.

— Здесь полно еды. И есть что пить.

— Запасы к этому делу не имеют никакого отношения, как ты сам прекрасно понимаешь. Что мы будем делать, если одна из этих больших зверюг решит к нам вломиться вместо того, чтобы просто топтать по ночам снаружи? Будем отгонять ее швабрами и угольной растопкой?

Конечно же, он был прав. Может быть, туман защищал нас в какой-то степени. Прятал. Но не исключено, что это ненадолго, и кроме того, меня тревожили другие события. Мы пробыли в «Федерал Фукс» примерно восемнадцать часов, и я уже чувствовал, как что-то вроде летаргии охватывает меня, что-то очень похожее на оцепенение, которое я ощущал, заплыв слишком далеко. Хотелось остаться, не рисковать, продолжать заботиться о Билли, подождать вдруг туман разойдется, и все станет по-прежнему. То же самое я видел на других лицах, и мне пришло в голову, что сейчас в супермаркете есть люди, которые не уйдут отсюда ни при каких обстоятельствах. После того, что случилось, одна мысль о том, что нужно выйти за дверь, затормозит их.

Миллер следил, вероятно, как эти мысли отражаются на моем лице, потом сказал:

— Когда появился этот чертов туман, здесь было человек восемьдесят. Из этого количества вычти носильщика, Нортон, четверых, что были с ним, и Смолли. Остается только семьдесят три.

«А если вычтешь еще двух солдат, что лежат теперь под мешками щенячьей кормежки, остается семьдесят один».

— Затем вычти людей, которые просто свихнулись, — продолжал он. — Их человек десять-двенадцать. Скажем, десять. Остается шестьдесят три. Но... — Он поднял испачканный в сахарной пудре палец. — Из этих шестидесяти трех человек двадцать никуда не пойдут, даже если их тащить и толкать.

— И что все это доказывает?

— Что надо выбираться отсюда, вот и все. Я иду около полудня, наверно. И собираюсь взять с собой столько людей, сколько пойдут. Я бы хотел, чтобы ты и твой парень пошли со мной.

— После того, что случилось с Нортоном?

— Нортон пошел как баран на бойню. Это не означает, что я и эти люди, что пойдут со мной, должны поступать также.

— Как ты можешь этому помешать? У нас один револьвер.

— Хорошо, что один есть. Но если нам удастся пройти через перекресток, может быть, мы попадем в «Спортсмен Эксчейндж» на Майн-стрит. Там оружия более чем достаточно.

— Тут на одно «если» и на одно «может быть» больше чем нужно.

— Дрэйтон, — сказал он, — мы вообще попали в довольно сомнительную ситуацию.

Это у Миллера довольно легко слетело с языка, но у него не было маленького сына, о котором нужно заботиться.

— Слушай, давай пока все это оставим, о'кей? Я не очень много спал сегодня ночью, зато имел возможность о многом подумать. Хочешь, поделюсь?

— Конечно.

Он встал и потянулся.

— Пойдем пройдемся со мной к окну.

Мы прошли вдоль касс, около хлебных полок и остановились у одного из проемов.

— Все эти твари исчезли, — сказал дежуривший там мужчина.

Миллер хлопнул его по спине.

— Можешь сходить выпить кофе. Я постою за тебя.

— О'кей. Спасибо.

Он ушел, и мы с Миллером подошли к проему.

— Скажи мне, что ты там видишь, — попросил он.

Я посмотрел в окно. Очевидно, одна из летающих тварей опрокинула ночью мусорный бак, рассыпав по асфальту бумажки, банки и пластиковые стаканчики. Чуть дальше исчезал в тумане ряд ближайших к магазину автомашин. Больше я ничего не видел и так ему и сказал.

— Вот голубой пикап «Шевроле» — мой, — сказал он, показывая рукой, и я различил в тумане намек на что-то голубое.

— Но если ты помнишь, вчера, когда ты подъезжал, стоянка была почти полна, не так ли?

Я взглянул на свой «Скаут», вспоминая, что мне удалось поставить машину близко ко входу в магазин только потому, что кто-то освободил место, и кивнул.

— А теперь, Дрэйтон, — сказал Миллер, присоединим к этому факту еще кое-что. Нортон и его четверка... Как ты их называл?

— «Общество верящих в плоскую Землю».

— Отлично. Прямо в точку. Они выбрались, так? И прошли почти всю длину веревки, а потом мы услышали этот рев, словно там бродило целое стадо слонов. Так?

— Это не было похоже на слонов, — сказал я. — Скорее на...

«На что-то из доисторических болот», — просилось на язык.

— Я не знаю, на что, — закончил я тихо.

— Но, судя по звуку, это было что-то большое.

— Да, пожалуй. И я полагаю, что это еще мягко сказано.

— Тогда почему мы не слышали, как бьются машины? Скрежет металла? Звон стекла?

— Ну потому что... — Я замолчал. — Я не знаю.

— Они никак не могли выбраться со стоянки до того, как нас тряхнуло, — сказал Миллер. — Я вот что думаю. Я думаю, мы не слышали этих звуков, потому что машин просто нет. Сквозь землю провалились, испарились, как хочешь... Если уж перекосило эти рамы, с полок все попадало... И городская сирена замолчала в тот же момент.

Я попытался представить себе половину автостоянки. Представил, что иду и подхожу к

свежему провалу в земле, где кончается асфальт с аккуратно расчерченной желтой краской местами для автомашин. Провал, склон или, может быть, бездонная пропасть, затянутая ровным белым туманом...

— Если ты прав, — сказал я, подумав, — то как далеко ты уедешь на своем пикапе?

— Я про него не думал. Я думал про твою машину с четырехколесным приводом.

Об этом, конечно, стоило подумать, но не сейчас.

— Что у тебя на уме?

— Соседняя аптека, — не заставляя себя упрашивать, продолжил Миллер. — Об этом я тоже думал. Что ты на это скажешь?

Я открыл было рот, собираясь сказать, что не имею ни малейшего представления, о чем он говорит, но тут же и закрыл. Когда мы подъезжали к магазину, Бриджтонская аптека работала. Прачечную закрыли, но аптека работала. Чтобы впустить свежий воздух, они открыли двери настежь и застопорили их резиновыми колодками, потому что у них, как и везде, кондиционеры остались без электричества. Дверь в аптеку должна быть не дальше двадцати футов от входа в магазин. Тогда почему...

— Почему никто из тех людей не пришел к нам? — задал за меня вопрос Миллер. — Ведь прошло восемнадцать часов. Они должны были бы проголодаться.

— Там есть продукты, — сказал я. — Они всегда продают что-нибудь. Крекеры, выпечку и всякую всячину. Плюс кондитерский прилавок.

— Я не думаю, что они стали бы сидеть на такой диете, когда здесь столько всего.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что хочу смыться отсюда, но не хочу стать обедом для какого-нибудь беглеца из второсортного фильма ужасов. Четверо или пятеро из нас могут сходить и проверить ситуацию в аптеке. Своего рода пробный шар.

— Это все?

— Нет, есть еще одно дело.

— Что еще?

— Она, — сказал Миллер и ткнул пальцем в направлении одного из средних проходов. — Эта сумасшедшая стерва. Ведьма.

Указывал он на миссис Кармоди. Она уже была не одна: к ней присоединились две женщины. По их яркой одежде я заключил, что они из тех, которые приезжают сюда на лето, дамы, оставившие, может быть, дома семьи, чтобы «сгонять в город и купить кое-что», и теперь съедаемые беспокойством за своих мужей и детей. Дамы, готовые ухватиться за любую соломинку. Даже за мрачные утешения миссис Кармоди.

— Она — это еще одна причина, почему я хочу убраться отсюда, Дрэйтон. К вечеру рядом с ней будет уже человек шесть. А если розовые твари и птицы вернутся сегодня ночью, завтра утром у нее будет целая конгрегация. И тогда уже нужно будет беспокоиться о том, кого она прикажет им принести в жертву, чтобы результат был лучше. Может быть, меня, или тебя, или этого Хатлена. Может, твоего сына.

— Бред какой-то, — сказал я.

Но так ли это? Холодок, пробежавший у меня по спине, подсказывал, что, может быть, он прав. Губы миссис Кармоди двигались и двигались, а дамы-туристки, следили за ее морщинистыми губами. Бред? Я вспомнил пыльные чучела, пьющие воду из зеркального ручья. Миссис Кармоди обладала какой-то силой. Даже Стефф, обычно рациональная и рассудительная, упоминала ее имя с некоторой настороженностью.

«Сумасшедшая стерва, — назвал ее Миллер. — Ведьма».

— Люди, собравшиеся здесь, испытывают не себе сейчас нечто подобное воздействию восьмого круга ада, — сказал Миллер и, показав жестом на выкрашенные красной краской рамы, обрамляющие стекла, перекошенные, выгнутые, потрескавшиеся, добавил: — их мозги сейчас как вот эти рамы. Уж про себя я точно могу сказать. Половину прошлой ночи я думал, что я свихнулся, что на самом деле я в смиренной рубашке где-нибудь в Данверсе, что я просто вообразил этих розовых тварей, доисторических птиц, щупальца, и все это исчезнет, когда войдет хорошенькая медсестра и вколет мне в руку успокоительного. — Его маленькое лицо побелело и напряглось. Он посмотрел на миссис Кармоди, затем снова на меня. — Я скажу тебе, что произойдет. Чем больше люди свихиваются, тем лучше для некоторых из них она будет выглядеть. И я не хочу тут оставаться, когда это случится...

Утром Билли чувствовал себя уже лучше. Он был бледен, мешки под глазами от слез, выплаканных ночью, еще не прошли, лицо имело изможденный вид, и чем-то оно теперь напоминало лицо старика. Но он все еще мог смеяться, по крайней мере до тех пор, пока снова не вспоминал, где находится и что происходит.

Мы сели вместе с Аmandой и Хэтти Терман, попили кофе из бумажных стаканчиков, и я рассказал им, что с несколькими людьми собираюсь идти в аптеку.

— Я не хочу, чтобы ты ходил, — немедленно заявил Билли, мрачней.

— Все будет в порядке, большой Билл. Я тебе принесу комиксы про Спайдермена.

— Я хочу, чтобы ты остался. — Теперь он был не просто мрачен, теперь он был испуган.

Я взял его за руку, но он тут же ее отдернул.

— Билли, рано или поздно нам придется отсюда выбираться. Ты ведь это понимаешь?

— Когда туман разойдется...

— Билли, мы здесь уже почти целый день.

— Не надо, чтобы мальчик сильно надеялся на это, Дэвид, — сказала миссис Терман.

— Черт возьми! — взорвался я. — Нужно ему хоть на что-то надеяться!

Миссис Терман опустила глаза.

— Да. Может быть.

Билли ничего этого не заметил.

— Папа... Там же всякие чудовища, папа.

— Мы знаем. Но большинство из них — не все — выходят только ночью.

— Они подстерегут вас, — прошептал Билли, глядя на меня огромными глазами. — Они будут вас ждать в тумане, и, когда вы будете возвращаться, они вас съедят. Как в сказках. — Он крепко обнял меня с какой-то панической страстностью. — Не ходи, пожалуйста, папа.

Осторожно расцепив его руки, я объяснил, что должен идти.

— Я вернусь, Билли.

— Ладно, — произнес он хрипло, но больше не смотрел на меня. Билли не верил, что я вернусь, и это было написано на его лице, уже не гневном, но печальном и тоскующем.

Я снова подумал, правильно ли делаю, подвергая себя такому риску, но потом взгляд мой случайно остановился на среднем проходе, где сидела миссис Кармоди. Когда я прошел уже три четверти пути, меня догнала Аманда.

— Ты, в самом деле, должен это сделать? — Спросила она. Щеки ее покраснелись, а глаза стали зеленее обычного. Она боялась, очень боялась.

Я пересказал ей свой разговор с Деном Миллером. Загадка с машинами и тот факт, что никто не пришел к нам из аптеки, ее не очень тронули. Зато она всерьез отнеслась к предположениям относительно миссис Кармоди.

— Возможно, ты прав, — сказала она.

— Ты серьезно в это веришь?

— Не знаю. Но в этой женщине что-то жуткое есть. А если людей пугать достаточно сильно и достаточно долго, они пойдут за любым, кто пообещает спасение.

— Но человеческие жертвоприношения, Аманда?

— Ацтеки это делали, — сказала она ровно. — Послушай, Дэвид. Ты обязательно возвращайся. Если что-нибудь случится, хоть что-нибудь, сразу возвращайся. Бросай все и беги. Возвращайся ради сына.

— Хорошо. Обязательно.

— Дай бог тебе... — Она выглядела усталой и постаревшей. Мне пришло в голову, что так выглядим почти все мы. Но не миссис Кармоди. Миссис Кармоди стала моложе и как-то ожила. Словно она попала в свою среду.

Собрались мы не раньше 9:30 утра. Пошли семеро: Олли, Ден Миллер, Майк Хатлен бывший приятель Майрона Ляфлера Джим, Бадди Иглтон, я. Седьмой была Хильда Репплер хотя Миллер и Хатлен вполсилы пытались ее отговорить. А я подумал, что она может оказаться более подготовленной к неизвестному, чем любой из нас, за исключением, может быть, Олли. В одной руке миссис Репплер держала небольшую полотняную сумку, нагруженную аэрозольными банками с инсектицидами, уже без колпачков и готовыми к употреблению. В другой руке она несла теннисную ракетку.

— Что вы собираетесь с ней делать, миссис Репплер? — спросил Джим.

— Не знаю, — сказала она низким хриплым голосом. — Но ракетка хорошо сидит в руке.

Каждый из нас держал что-то в руках, хотя выглядел такой набор оружия довольно-таки странно. У Олли был револьвер. Бадди Иглтон принес откуда-то стальной ломик. Я прихватил черенок швабры.

— О'кей, — сказал Ден Миллер, повысив голос. — Прошу внимания!

Человек двенадцать добрались до выхода посмотреть, что происходит, и остановились нестройной группой. Справа от них стояла миссис Кармоди со своими новыми сторонниками.

— Мы собираемся в аптеку — посмотреть, как там дела. Надеюсь, мы найдем там что-нибудь для миссис Клапхем.

Так звали старушку, которую затоптали вечером, когда появились розовые твари.

Миллер взглянул на нас.

— Мы не должны рисковать, — сказал он. — При первых же признаках опасности мигом возвращаемся в магазин...

— И приведете к нам эти исчадия ада! — выкрикнула миссис Кармоди.

— Она права! — поддакнула одна из «летних» дам. — Из-за вас они заметят нас! Вы приманите их сюда! Почему бы вам не успокоиться, пока все хорошо?

— То, что случилось с нами, вы называете «все хорошо»? — спросил я.

Миссис Кармоди с горящими глазами шагнула вперед.

— Ты умрешь там, Дэвид Дрэйтон! Ты хочешь, чтобы твой сын остался сиротой? — Она обвела нас всех взглядом. Бадди Иглтон опустил глаза и одновременно поднял ломик, словно

защищаясь от ее злых чар.

— Вы все умрете там! Разве вы не поняли, что наступил конец света? Враг рода человеческого шагает по Земле! Пылает адский огонь, и каждый, кто ступит за дверь, будет растерзан! Они придут за теми из нас, кто остался здесь, как сказала эта добрая женщина. Люди, неужели вы позволите, чтобы это произошло? — Теперь миссис Кармоди обращалась к собравшимся зрителям, и толпа зароптала. — После того, что случилось с неверящими вчера? Там — смерть! Смерть! Там...

Банка зеленого горошка, пролетев через две кассы, ударила ей в грудь. Миссис Кармоди, квакнув от неожиданности, замолчала. Вперед вышла Аманда.

— Заткнись! — выкрикнула она. — Стервятница! Заткнись!

— Она служит нечистому! — опять заорала миссис Кармоди, и на ее губах заиграла нервная усмешка. — Мать Кармоди все видит! Да! Мать Кармоди видит, чего не видят другие!

Но наваждение уже прошло, и Аманда спокойно выдержала ее взгляд.

— Мы идем или будем стоять здесь целый день? — спросила миссис Репплер.

И мы пошли. Спаси нас бог, мы пошли.

Ден Миллер шел первым. Олли вторым. Я шел последним, сразу за миссис Репплер. Наверное, я никогда в жизни так не боялся. Моя ладонь, сжимающая черенок швабры, стала скользкой от пота. Выйдя за дверь, я снова почувствовал запах тумана. Миллер и Олли уже растворились в белизне, а Хатлена, шедшего третьим, было едва видно.

«Всего двадцать футов, — твердил я себе. — Всего двадцать футов».

Миссис Репплер медленно, но твердо шагала впереди меня, чуть покачивая зажатой в правой руке теннисной ракеткой. Слева от нас была красная шлакоблочная стена. Справа, как призрачные корабли, стояли в тумане машины первого ряда автостоянки. Потом из белизны возник мусорный бак, а за ним скамейка, на которой люди иногда ждали очереди к телефону-автомату.

— О, боже! — истерично вскрикнул Миллер, добравшись до аптеки. — Боже милостивый! Вы только посмотрите!

Внутри аптека больше всего напоминала бойню. Мы с Миллером почти угадали. Все твари, скрывающиеся в тумане, находили свою жертву по запаху. И это было логично. Зрение для них почти бесполезно. От слуха толку не намного больше, поскольку, как я уже писал, туман странным образом путает всю акустику: звуки, рождающиеся близко, делает далекими, а далекие иногда близкими. Эти твари из тумана шли, повинувшись самому надежному чувству: обонянию.

Тех, кто остался в супермаркете, в каком-то смысле спасло отсутствие электричества, потому что перестали работать двери с фотоэлементами, и когда появился туман, магазин оказался как бы запечатанным. В аптеке же двери были открыты и застопорены. Когда прервалась подача электричества, перестали работать кондиционеры, и тогда открыли двери, чтобы дать доступ свежему воздуху. Однако со свежим воздухом в аптеку вошло и еще что-то...

В дверях лежал на животе мужчина в бордовой рубашке. Вернее, это сначала я подумал, что она бордовая, а потом заметил несколько белых участков внизу и понял, что бордовой она стала от засохшей крови. Что-то здесь было не так, и я долго не мог сообразить, в чем дело. Даже когда Бадди Иглтона стошнило, до меня и то не сразу дошло.

Видимо, когда с людьми случается что-то столь несообразное, мозг отказывается воспринимать сразу.

У мужчины... не хватало головы. Ноги его лежали на пороге аптеки, и голове полагалось бы свисать с нижней ступеньки. Но ее просто не было.

Джиму этого оказалось достаточно. Он отвернулся, закрывая руками рот, глянул на меня безумными красными глазами и, качаясь, побрел обратно к супмаркету. Миллер прошел внутрь аптеки. Майк Хатлен — за ним. Миссис Репплер остановилась у дверей. Олли встал с другой стороны двери, держа в руке направленный в землю револьвер, и сказал:

— Кажется, я начинаю терять надежду, Дэвид.

В аптеке царил самый настоящий хаос. Повсюду валялись книги в бумажных обложках и журналы. У моих ног лежали «Спайдермен» и «Невероятная громадина», и, почти не задумываясь, я поднял их и сунул в задний карман. Бутылочки и коробочки с лекарствами были разбросаны по всему полу. Из-за прилавка свисала чья-то рука.

Меня охватило ощущение нереальности. Помещение выглядело так, словно тут справляли какой-то сумасшедший праздник: повсюду висели, как мне сначала показалось, гирлянды и ленты. Не широкие и не плоские, как обычно, а похожие или на толстые струны, или на тонкие провода. Я обратил внимание, что они такого же ярко-белого цвета, как сам туман, и по спине у меня пробежал холодок. Если это не креп, то что же? На некоторых «гирляндах» висели, болтаясь в воздухе, книги и журналы.

Майк Хатлен пнул ногой какую-то странную черную штуку, длинную и щетинистую.

— Что это за чертовщина? — Спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно...

И внезапно я понял, что убило всех этих людей, которые были в аптеке. Людей, которых нашли по запаху...

— Назад. — В горле у меня пересохло, и слова вылетали коротко и сухо, как выстрелы. — Уходим.

Олли взглянул на меня.

— Дэвид?

— Это — паутина, — сказал я, и в этот момент с улицы донеслось два крика. Первый от испуга, второй от боли. Кричал Джим.

— Бежим! — крикнул я.

И тут что-то взвилось в тумане. На белом фоне невозможно было разглядеть, но я услышал звук, похожий на свист хлыста, которым хлопнули вполсилы. И когда это обвило ногу Бадди Иглтона, перехватив джинсы под коленом, он вскрикнул и схватился за первое, что попало под руку, — телефон. Трубка соскочила и, пролетев на длину провода, закачалась у земли.

— О, боже! Мне больно! — закричал Бадди.

Олли подхватил его, и тут я понял, почему у человека, лежавшего на ступенях, не было головы. Тонкий белый провод, закрутившийся вокруг ноги Бадди, как шелковый шнур, начал врезаться в кожу. Штанина, отрезанная словно бритвой, стала сползать, а на коже, в том месте, где в нее врезался «провод», появился круглый надрез, брызжущий кровью.

Олли дернул Бадди на себя. Раздался звук, будто что-то лопнуло, и Бадди освободился. Губы его дрожали.

Майк и Ден двинулись назад, но, наверное, медленно. Ден налетел на несколько растянутых «веревочек» и прилип к ним, как муха к липучке. С огромным усилием он вырвался, оставив кусок рубашки на паутине.

— Всем назад! — крикнул Олли.

Мы двинулись к магазину. Олли поддерживал Бадди. Ден Миллер и Майк Хатлен шли по обе стороны от миссис Репплер. Белые обрывки паутины появлялись из тумана, почти неразличимые, заметные только на фоне красной шлакоблочной стены. Одна нить обвилась вокруг левой руки Майка Хатлена. Вторая перехлестнула его шею. Вена на шее прорвалась, выбросив фонтан крови, и Майка с безвольно поникшей головой уволокло в туман. Неожиданно Бадди стал падать вперед, и Олли чуть не рухнул на колени.

— Он потерял сознание, Дэвид. Помоги...

Я обхватил Бадди за пояс, и мы поволокли его дальше. Даже потеряв сознание, Бадди не выпустил из рук стальной ломик. Нога, которую зацепило паутиной, торчала в сторону под каким-то неестественным углом.

— Осторожнее! — крикнула миссис Репплер. — Сзади!

Я начал оборачиваться, и в этот момент белая «веревка» опустилась на голову Дена Миллера. Он принялся рвать ее и отбивать руками.

И тут, позади нас, из тумана появился паук величиной с крупную собаку. Черный с желтыми полосками. («Как гоночная автомашина», — пронеслась у меня в голове сумасшедшая мысль.) Глаза его блестели красно-фиолетовым гранатовым огнем. Он деловито приближался к нам, переступая двенадцатью или четырнадцатью ногами с множеством сочленений, — не обычный земной паук, увеличенный, словно для съемок фильма ужасов, а что-то совершенно другое, может быть, и совсем не паук. Он приближался к нам, выдавливая паутину из отверстия на брюхе. «Веревки» плыли к нам почти правильным веером. Глядя на этот кошмар, так похожий на черных пауков, раздумывающих над мертвыми мухами и жуками в полутьме нашего лодочного сарая, я чувствовал, что вот-вот сойду с ума. Наверно, только мысль о Билли позволила мне сохранить какое-то подобие способности рассуждать.

Олли, однако, держался совершенно хладнокровно. Он плавно поднял револьвер, словно был в стрелковом тире, и в упор с равномерными промежутками всадил весь барабан в отвратительное существо. Из какой бы преисподней оно не появилось, неуязвимым оно не было. Черная кровь брызнула из его ран. Паук издал мерзкий мяукающий звук, такой низкий, что он скорее чувствовался, чем слышался, как басовая нота на синтезаторе, и, метнувшись в туман, исчез. Можно было бы подумать, что это плод воображения, чудовищный наркотический бред, если бы не лужа черной липкой жидкости, которую он оставил после себя.

Звякнул об асфальт ломик, который Бадди наконец выпустил из рук.

— Он мертв, — произнес Олли. — Отпусти его, Дэвид. Эта чертовщина зацепила бедренную артерию, и он умер. Давай, к черту, отваливать отсюда. — Его большое круглое лицо покрылось потом, глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит. Тут одна из «веревочек» коснулась, опускаясь, тыльной стороны его ладони, и он одним резким движением отдернул руку. На коже осталась кровавая полоска.

Миссис Репплер снова закричала: «Берегись!», и мы обернулись в ее сторону. Еще один паук выбежал из тумана и обхватил своими ногами Дена Миллера. Ден отбивался кулаками. Я успел лишь наклониться и поднять ломик Бадди, а паук уже принялся опутывать Миллера своей смертоносной паутиной, превратив его попытки освободиться в мрачный танец смерти.

Миссис Репплер приблизилась к пауку, держа в вытянутой руке баллон инсектицида.

Когда несколько паучьих ног потянулись в ее сторону, она нажала кнопку и выпустила струю яда прямо в сверкающие, словно рубины, глаза. Я снова услышал тот же мяукающий звук. Паук задрожал всем телом и стал, пошатываясь, пятиться, царапая волосатыми ногами по асфальту и волоча за собой тело Дена. Миссис Репплер швырнула в него баллон. Банка отскочила от паука и покатила по асфальту. Паук врезался в дверцу маленькой спортивной машины с такой силой, что та закачалась на рессорах, потом скрылся во мгле.

Я подбежал к едва державшейся на ногах, бледной миссис Репплер и подхватил ее рукой.

— Благодарю вас, молодой человек, — сказала она. — Мне вдруг стало плохо.

— Ничего, — хрипло ответил я.

— Я спасла бы его, если бы могла.

— Я знаю.

Олли присоединился к нам, и мы бросились к дверям магазина, уворачиваясь от падающих «веревки». Одна из них опустилась на сумку миссис Репплер и тут же продырявила полотняный бок. Миссис Репплер руками пыталась удержать свою сумку, но проиграла, и сумка покатила вслед за «веревкой» в туман. Когда мы были уже у самого входа в магазин, из тумана вдоль стены здания выбежал маленький паук, не больше щенка коккер-спаниеля. Паутину он не выбрасывал: видимо, еще не дорос.

Олли надавил плечом на дверь, пропуская вперед миссис Репплер, а я в этот момент всадил в паука стальной прут, наколов его словно на дротик. Паук бешено задергался, заскреб ногами воздух; его красные глаза нашли мои глаза и уставились, будто запоминая...

— Дэвид! — Олли еще держал дверь.

Я бросился внутрь, он — сразу за мной.

Мы уходили всемером, а вернулись втроем. Олли, тяжело дыша, прислонился к стеклянной двери и принялся перезаряжать револьвер.

— Что там? — спросил кто-то низким хриплым голосом.

— Пауки, — мрачно ответила миссис Репплер. — Мерзкие твари утащили мою сумку.

Тут Билли, просочившись сквозь толпу, бросился ко мне, вытянув вперед руки, и я крепко обнял его.

Пришла моя очередь спать, и про эти четыре часа я ничего не помню. Проснулся я уже во второй половине дня, испытывая ужасную жажду.

Вскоре к нам с Билли и миссис Терман присоединилась Аманда. С ней подошел старик, предлагавший сходить за ружьем. Корнелл, вспомнил я. Эмброуз Корнелл.

— Как ты, сынок? — спросил он.

— Все в порядке. — Но я еще хотел пить, и у меня болела голова. И самое главное, я боялся. Обняв Билли, я посмотрел на Корнелла и Аманду, потом спросил:

— Что нового?

— Мистер Корнелл беспокоится насчет этой миссис Кармоди. Я тоже.

— Билли, почему бы тебе со мной не прогуляться? — Спросила Хэтти.

— Не хочу, — ответил Билли.

— Прогуляйся немного, Билли, — повысил я голос, и он с неохотой ушел.

— Миссис Кармоди продолжает мутить воду, — сказал Корнелл и посмотрел на меня с какой-то особой старческой удрученностью. — Я думаю, мы должны прекратить это. Любым доступным способом.

— С ней уже больше десяти человек, — добавила Аманда. — Какая-то дикая религиозная служба.

— В самом деле? — спросил я.

— Только восемь, — поправил Корнелл. — Но она говорит непрерывно. Это черт знает что.

Восемь человек. Это не так много. Но я понимал беспокойство, отразившиеся на их лицах. Восемь было вполне достаточно, чтобы сделать их самой большой моральной силой в супермаркете, особенно теперь, когда не стало Дена и Майка. И мысль о том, что самая большая моральная сила в нашей замкнутой системе внимает каждому слову миссис Кармоди об ужасах ада и чашах гнева господня, вызывала у меня чертовски сильную клаустрофобию.

— Она опять начала болтать о человеческих жертвоприношениях, — сказала Аманда. — Бад Браун подошел к ней и велел прекратить эти мерзкие разговоры в его магазине. Двое мужчин, что теперь с ней — один из них, кстати, Майрон Ляфлер, — сказали, чтобы он сам заткнулся, и произошла... Ну, в общем, немного помахали руками, я бы сказала.

— Брауну разбили нос, — добавил Корнелл. — Они всерьез готовы на многое.

— Но не на убийство же в самом деле, — сказал я.

— Я не знаю, как далеко они зайдут, — мягко заметил Корнелл, — если туман не развеется. Но я не хотел бы узнать. Я собираюсь дать отсюда ходу.

— Легче сказать, чем сделать. — Какие-то мысли зашевелились у меня в голове. Запах. Вот ключ к решению. Здесь, в магазине, мы были более-менее в безопасности. Розовых тварей, как обычных насекомых, видимо, привлекал свет фонарей. Но чудовища побольше не трогали нас до тех пор, пока мы не высывались. Бойня в аптеке произошла именно потому, что там оставили двери открытыми. В этом я не сомневался. То существо или, скажем, существа, что прикончили группу Нортон, по звуку казались огромными, как дом, но они не приближались к супермаркету. А это означало...

Мне срочно понадобилось переговорить с Олли Виксом. Я просто должен был с ним поговорить.

— Или я выберусь отсюда, или погибну, — сказал Корнелл. — Я не собираюсь жить тут все лето.

— Четверо уже покончили с собой, — неожиданно произнесла Аманда.

— Что? — Первая мысль, пришедшая мне в голову вместе с чувством вины, была о том, что тела солдат были обнаружены.

— Снотворное. — коротко ответил Корнелл. — Я и еще несколько человек отнесли тела на склад.

Я чуть не засмеялся, подумав, что скоро у нас там будет настоящий морг.

— Уже темнеет, — ответил Корнелл. — Я хочу убраться отсюда.

— Вы не доберетесь до своей машины, поверьте.

— Даже до первого ряда? Это ближе, чем до аптеки.

Я не ответил. Время еще не подошло.

Примерно через час я нашел Олли у пивного охладителя. Он пил пиво с бесстрастным лицом, но тоже, похоже, наблюдал за миссис Кармоди. Старуха не знала усталости. И она действительно снова обсуждала человеческие жертвоприношения, только теперь никто не советовался ей заткнуться. А некоторые из тех, кто еще днем раньше требовал, чтобы она

замолчала, сегодня или были с ней, или по крайней мере спокойно слушали. Других оставалось все меньше.

— К завтрашнему утру она сможет их уговорить, — заметил Олли. — Может быть, нет, но если это случится, кого, ты думаешь, она выберет?

Бад Браун перешел ей дорогу. Аманда. Тот человек, кто ее ударил. И конечно, я.

— Олли, — сказал я. — Думаю, с полдюжины человек могут отсюда выбраться. Не знаю, как далеко мы уедем, но по крайней мере мы выберемся.

— Как?

Я выложил ему свой план. Ничего сложного я не предлагал. Если броситься бегом к моему «Скауту» и всем быстро забраться внутрь, они не успеют ничего учуять. Во всяком случае, если закрыть окна машины.

— Но, предположим, их привлечет какой-нибудь другой запах? — Спросил Олли. — Например, выхлопные газы?

— Тогда нам крышка, — согласился я.

— Движение, — сказал он. — Движение машины в тумане тоже может привлечь их, Дэвид.

— Я не думаю. Без запаха жертвы они не нападут. Я действительно думаю, что в этом все дело.

— Но ты не уверен...

— Нет. Не уверен.

— Куда ты собираешься ехать?

— Сначала домой. За женой.

— Дэвид...

— Ладно. Проверить... Убедиться.

— Эти твари могут быть везде, Дэвид. Они могут напасть на тебя, как только ты выйдешь из машины.

— Если это случится, «Скаут» — твой. Я только прошу, чтобы ты позаботился о Билли как и сколько можешь.

Олли допил пиво и бросил банку в охладитель, где она со звоном упала на гору пустых банок. Рукоять револьвера, который дала ему Аманда, торчала у него из кармана.

— Значит, на юг? — спросил он, глядя мне в глаза.

— Да, видимо, — сказал я. — Надо двигаться на юг и пытаться выбраться из тумана. Изо всех сил пытаться.

— У тебя много бензина?

— Почти полный бак.

— Тебе не приходило в голову, что выбраться будет невозможно? Что, если это самое, с чем они там экспериментировали в «Проекте Стрела», перетянуло весь наш район в другое измерение с такой же легкостью, как люди выворачивают свой носок наизнанку?

— Приходило, — ответил я. — Но единственная альтернатива всему этому — сидеть и ждать, кого миссис Кармоди выберет на почетную роль.

— Ты думал отправиться сегодня?

— Нет, сейчас уже поздно, а эти твари как раз ночью становятся активными. Я думал отправиться завтра утром, очень рано.

— Кого ты хочешь взять?

— Тебя, Билли, Хэтти Терман, Аманду Дамфрис. Этого старика Корнелла и миссис

Репшлер. Может быть, Бада Брауна тоже. Это уже восемь, но Билли может сесть к кому-нибудь на колени, и мы немного потеснимся.

Олли ненадолго задумался.

— О'кей. — сказал он наконец. — Давай попробуем. Ты с кем-нибудь уже говорил?

— Нет.

— Я советую пока никому ничего не говорить. Часов до четырех утра. Я приготовлю пакеты с субпродуктами под прилавком у кассы, ближайшей к выходу. Если нам повезет, сможем выскользнуть еще до того, как кто-нибудь что-нибудь заметит. — Взгляд Олли снова скользнул в сторону миссис Кармоди. — Если она обо все узнает, то может попытаться помешать нам.

— Ты так думаешь?

Олли взял еще одну банку пива.

— Да, я так думаю.

Вторая половина дня — вчерашнего дня — прошла словно в замедленной съемке. Подползла темнота, снова превращая белый туман в грязно-желтый, и к половине девятого мир, оставшийся снаружи, медленно растворился в черноте.

Вернулись розовые твари, потом, бросаясь на окна и подхватывая розовых, появились твари-птицы. Что-то рыкало изредка в темноте, и один раз, незадолго до полуночи, раздалось долгое протяжное «аарруууу...». Люди повернулись к черным стеклам с испугом и ожиданием на лицах. Примерно такой звук, наверное, издает самец-крокодил в болоте.

Миссис Кармоди разошлась не на шутку. Казалось, сон ей совсем не нужен. Ее проповедь — сплошной поток ужасов из Доре, Босха и Джонатана Эдварса — продолжалась и продолжалась, неуклонно приближаясь к какому-то зловещему финалу. Ее сторонники что-то бормотали вслед за ней и раскачивались взад-вперед, как «истинно верующие» на сходке. Пустые глаза их лихорадочно блестели. Они полностью отделились чарам миссис Кармоди.

Около трех утра (проповедь все еще подолжалась, и те, кого она не интересовала, ушли в дальний конец магазина, чтобы там попытаться хоть немного заснуть) я увидел, как Олли положил пакет с продуктами на полку под прилавком ближайшей к выходу кассы. Через полчаса он добавил туда же еще один пакет. Похоже, кроме меня, его действий никто не заметил. Билли, Аманда и миссис Терман спали, прижавшись друг к другу, у опустошенной секции колбас. Я присоединился к ним, погрузился в тревожную дремоту.

В четыре пятнадцать Олли меня разбудил. Рядом с ним стоял Корнелл, и глаза его блестели за стеклами очков.

— Время, Дэвид, — сказал Олли.

Я почувствовал, как в животе у меня нервно закололо, но это быстро прошло. Я разбудил Аманду.

Ее зеленые глаза взглянули в мои.

— Дэвид?

— Мы хотим сделать попытку выбраться отсюда. Ты пойдешь с нами?

— О чем ты говоришь?

Я начал было объяснять, но потом разбудил мисс Терман, чтобы мне не пришлось два раза повторять одно и то же.

— Эта твоя теория насчет запахов, — спросила Аманда. — Пока просто догадка?

— Да.

— Для меня это не имеет значения, — сказала Хэтти. Лицо ее стало бледным, и, несмотря на то, что ей удалось поспать, под глазами темнели большие пятна. — Я готова на все, чтобы снова увидеть солнце.

«Только бы снова увидеть солнце». Я вздрогнул. Она очень близко угадала суть моих собственных страхов, то чувство почти полной обреченности, что охватило меня, когда я увидел, как щупальца выволокли Норма через загрузочную дверь. Сквозь туман солнце казалось тогда маленькой серебряной монеткой, словно мы были на Венере.

Страх вызывали не чудовища, подстерегающие нас в тумане. Мой удар ломиком доказал, что они не бессмертные монстры из книг Лавкрафта, а всего лишь обычные уязвимые существа. Дело было в самом тумане, который отбирал силу и лишал остатков воли.

«Только бы снова увидеть солнце». Хэтти права. Одно это стоит того, чтобы пройти через ад.

Я улыбнулся Хэтти, и она неуверенно улыбнулась в ответ.

— Да. — Сказала Аманда. — Я тоже.

Я начал осторожно будить Билли.

— Я с вами, — коротко сказала мне миссис Репплер.

Мы все собрались у мясного прилавка. Все, кроме Бада Брауна. Он поблагодарил нас за предложение, но отказался, сказал, что не может оставить магазин, потом сказал, на удивление мягким голосом, что не осуждает Олли за его уход.

От белых эмалированных ящиков начало тянуть неприятным сладковатым запахом, напомнившим мне случай, когда во время нашей недельной поездки на мыс у нас испортился морозильник. Может быть, этот запах протухающего мяса и погнал мистера Маквея в команду миссис Кармоди.

— ...Искушение! — продолжала она свою проповедь. — Сейчас мы должны думать об искуплении! Бог покарал нас! Мы наказаны за то, что пытались проникнуть в секреты, запрещенные богом древних! Мы видели отвратительные кошмары! Когда все это кончится? Что остановит это?

— Искупление! — орал старый добрый Майрон Ляфлер.

— Искупление... Искупление... — шептали неуверенно остальные.

— Я хочу слышать, что вы действительно верите! — кричала миссис Кармоди. Вены вздулись у нее на шее, словно канаты. Голос ее сел, охрип, но все еще сохранял властную силу, и я подумал, что эту силу дал ей именно туман. Силу и способность затуманивать людям головы. Туман, отобравший у всех нас силу солнца. До этого она оставалась просто несколько эксцентричной старой женщиной с антикварным магазином в городе, где полно антикварных магазинов.

— **И с к у п л е н и е!** — закричали они все разом.

— Искупление, да! — лихорадочно кричала миссис Кармоди. — Искупление разгонит туман! Искупление сметет этих чудовищных монстров! Искупление снимет завесу тумана с наших глаз и позволит увидеть! — голос ее стал чуть тише. — А что есть искупление по Библии? Что есть единственное средство, снимающее грех в глазах и разуме Всевышнего?

— Кровь.

На этот раз меня всего затрясло: еще чуть-чуть, и у меня, наверное, зашевелились бы

волосы. Слово это произнес мистер Маквей. Мясник мистер Маквей, который резал мясо в Бриджтоне в ту пору, когда я был ребенком. Мистер Маквей, принимающий заказы и режущий мясо в своем запачканом белом халате. Мистер Маквей, чье знакомство с ножом было очень долгим. И с топором тоже. Мистер Маквей, который лучше других поймет, что средство для очищения души вытекает из ран на теле.

— Кровь... — шептали они.

— Папа, я боюсь. — Билли крепко сжал мою руку. Лицо его вытянулось и побледнело.

— Олли, — сказал я, — по-моему, нам пора уходить из этого дурдома.

— О'кей, — согласился он. — Пошли.

Олли, Аманда, Корнелл, миссис Терман, миссис Репплер, Билли и я неплотной группой двинулись ко второму проходу к дверям. Было уже без четверти пять, и туман снова начал светлеть.

— Ты и Корнелл берите пакеты, — сказал Олли, обращаясь ко мне.

— О'кей.

— Я пойду первым. У «Скаута» четыре дверцы?

— Да.

— Отлично. Я открою дверцу водителя и заднюю с одной стороны. Миссис Дамфрис, вы удержите Билли на руках?

— Я не слишком тяжелый?

— Нет милый.

— Вы с Билли забирайтесь вперед, — продолжал Олли. — к противоположной дверце. Миссис Терман вперед в середину. Ты, Дэвид, за руль. А остальные...

— Куда это вы собрались? — спросила вдруг миссис Кармоди.

Она остановилась рядом с кассой у входа, где Олли спрятал продукты. Брючный костюм ее вызывающе блестел в полумраке. Всклоченные волосы дико торчали во все стороны, как у Эльзы Ланчестер в «Невесте Франкенштейна». Глаза ее горели, а за спиной, загораживая двери, стояли человек пятнадцать. И все они глядели так, словно только что выбрались из машины, потерпевшей аварию, или увидели летающую тарелку, или на их глазах дерево вытащило из земли корни и пошло.

Билли прижался к Аманде, уткнувшись лицом в ее щеку.

— Мы уходим, миссис Кармоди, — сказал Олли необычайно мягким голосом. — Пожалуйста, не задерживайте нас.

— Вы не можете уйти. Там смерть. Вы что, до сих пор не поняли?

— Вам никто не мешал, — сказал я. — И мы хотели бы, чтобы к нам отнеслись так же.

Миссис Кармоди наклонилась и безошибочно нашла пакеты с продуктами, с самого начала, должно быть, догадывалась о наших планах. Она вытащила их с полки, и один пакет сразу разорвался, консервные банки посыпались на пол. Другой пакет она грохнула об пол, и газированная вода с шипением растеклась во все стороны.

— Вот такие люди виновны в том, что случилось! — закричала миссис Кармоди. — Люди, которые не желают склониться перед волей всемогущего! Грешники в гордыне, надменные и упрямые! Из их числа должна быть выбрана жертва! Их кровь должна принести искупление!

Поднявшийся одобрительный ропот будто пришпорил ее. Она впала в неистовство и, бешено брызжа слюной, закричала:

— Нам нужен мальчишка! Хватайте его! Хватайте его! Нам нужен мальчишка!

Она бросилась к нам, впереди всех с каким-то радостным блеском в пустых глазах бежал Майрон Ляфлер. Мистер Маквей — сразу за ним. Лицо его было неподвижно и бесстрастно.

Аманда отшатнулась назад, еще крепче прижав к себе Билли, обнявшего ее за шею, и испуганно взглянула на меня.

— Дэвид, что мне...

— Обоих хватайте! — кричала миссис Кармоди. — Девку его тоже хватайте!

Будто апокалипсическое воплощение желтой и мрачной радости, миссис Кармоди запрыгала на месте, все еще держа накиннутую на руку сумку.

— Хватайте мальчишку! Хватайте девку! Обоих хватайте! Хватайте всех!

Раздался короткий звук выстрела.

И все замерли, словно балующиеся дети в классе, когда вдруг входит учитель и резко хлопает дверью. Майрон Ляфлер и мистер Маквей остановились примерно в десяти шагах от нас, и Майрон неуверенно оглянулся на мясника. Тот не ответил на его взгляд и даже, кажется, не понял, что Ляфлер рядом. На лице мистера Маквея застыло то самое выражение, что я слишком часто замечал у людей за последние два дня: его разум не выдержал.

Тут Майрон попятился, глядя на Олли Вика расширившимися испуганными глазами, потом бросился бежать, в конце прохода поскользнулся на банке, упал, поднялся и затем скрылся где-то в дальнем конце магазина.

Олли замер в классической стойке для стрельбы, сжимая револьвер обеими руками. Миссис Кармоди продолжала стоять у ближайшей к выходу кассе, схватившись за живот покрытыми пигментными пятнами руками. Кровь текла у нее между пальцами и капала на желтые брюки.

— Вы все умрете там, — произнесла она и медленно упала вперед. Сумка соскользнула с руки и ударилась о пол, рассыпав содержимое. Завернутый в бумагу цилиндрик выскочил из сумки, прокатился по полу и задел мой ботинок. Не задумываясь, я наклонился и поднял его. Оказалось, что там какие-то таблетки, и я тут же выкинул их.

«Конгрегация», лишенная своего центра, начала пятиться и распадаться. Люди расходились, не отрывая взглядов от лежащей фигуры и расползающегося из-под нее темного пятна.

— Ты убил ее! — крикнул кто-то испуганно и зло.

Олли все еще стоял в той же позе, но теперь губы его дрожали. Я тронул его за плечо.

— Олли, пойдём. И спасибо тебе.

— Я убил ее, — хрипло произнес он. — Я в самом деле убил ее.

— Да, — сказал я. — Именно за это я тебя и поблагодарил. А теперь пойдём.

Мы снова двинулись к выходу. Избавленный стараниями миссис Кармоди от пакета с продуктами, я смог взять Билли на руки. У двери на мгновение мы остановились, и Олли сказал низким сдавленным голосом:

— Я не стал бы в нее стрелять, Дэвид, если бы был какой-нибудь другой выход.

Держа револьвер наготове, Олли бросился вперед. Мы с Билли еще не успели выйти, и он уже стоял у «Скаута», бесплотный, как призрак из телефильма. Он открыл дверцу водителя, потом заднюю дверцу. И тут что-то выскочило из тумана и разрезало его почти пополам.

Я даже не разглядел толком, что это было. Может быть, к лучшему. Оно было красное,

словно вареный омар, и издавало низкое хрюканье, довольно похожее на то, что мы слышали, когда Нортон и его «общество верящих в плоскую Землю» ушли из супермаркета.

Олли успел выстрелить один раз, но клешни этого «омара» со щелчком дернулись вперед, и он словно переломился в ужасном фонтане крови. Револьвер выпал у него из руки, ударился о мостовую и снова выстрелил. Я успел заметить лишь матовые черные глаза, похожие на виноградинки, когда длинное сегментированное тело с шуршанием уползло в туман, унося с собой то, что осталось от Олли Викса.

Я пережил мгновение выбора, которое, видимо, бывает всегда, может быть, очень краткое, но бывает. Какая-то моя часть звала меня прижать к себе Билли и броситься назад в супермаркет. Другая часть приказывала бежать к машине, забросить Билли внутрь и нырнуть вслед. Тут закричала Аманда. Высоким поднимающимся криком, взбирающемся все выше и выше, пока он почти не перешел в ультразвук. Билли прижался ко мне, пряча лицо у меня на груди.

На Хэтти Терман бросился огромный паук. Он сбил ее с ног, обхватив за плечи волосатыми лапами, тут же принялся опутывать ее паутиной.

«Миссис Кармоди была права, — пронеслось у меня в голове. — Мы все умрем здесь. Мы действительно все умрем.»

— Аманда! — закричал я.

Она не отреагировала, совершенно отключившись от происходящего. Паук поедал останки бывшей сиделки Билли, когда-то так любившей головоломки и кроссворды, с которыми ни один нормальный человек не может справиться без того, чтобы не сойти с ума. «Веревки» белой паутины, опутывающей ее тело, покраснели там, где выделяемая ими кислота уже въелась в кожу.

Корнелл медленно попятился к магазину, глядя на нас огромными, как блюдца, глазами за стеклами очков, потом повернулся и, оттолкнув тяжелую входную дверь скрылся внутри.

Мой миг нерешительности кончился, когда миссис Репплер подскочила к Аманде и дважды ударила ее ладонью по щекам. Аманда замолчала. Подбежав к ней, я развернул Аманду к машине и крикнул ей в лицо:

— Вперед!

Она пошла. Миссис Репплер промчалась мимо меня, затолкала Аманду на заднее сиденье, забралась сама и захлопнула дверцу.

Я оторвал от себя Билли и толкнул его в машину. Когда я садился сам, из тумана вылетела «веревка» и опустилась на мою лодыжку. Кожу ожгло, как бывает, когда через сжатый кулак рывком протягиваешь рыболовную леску. Держала «веревка» крепко, и, чтобы высвободиться, мне пришлось изо всех сил дернуть ногой. Затем я скользнул за руль.

— Закрой дверь, закрой... О, боже!.. — истерично закричала Аманда.

Я захлопнул свою дверцу, и мгновением позже в нее с разбегу тнулся один из пауков. Я сидел всего в нескольких дюймах от его красных бездумно-холодных глаз. Ноги его, каждая толщиной с мою руку у запястья, двигались туда-сюда по капоту машины. Аманда кричала, не переставая, словно пожарная сирена.

— Да заткнись же ты, — приказала ей миссис Репплер.

Паук наконец сдался. Он не мог учуять нас, следовательно, нас для него тут не было. Он засеменил обратно в туман на своих неестественно многочисленных ногах.

Я выглянул в окно, чтобы удостовериться, что он ушел, и открыл дверцу.

— Что ты делаешь? — закричала Аманда, но я знал, что делаю, и думаю, Олли сделал

бы тоже самое. Я ступил одной ногой на мостовую, наклонился и схватил револьвер. Что-то бросилось ко мне из тумана, но я не разглядел, что именно. Я нырнул обратно в машину и захлопнул дверцу.

Аманда разрыдалась. Миссис Репплер обняла ее и принялась успокаивать.

— Мы поедем домой, папа? — Спросил Билли.

— Попробуем, Большой Билл.

— О'кей, — сказал он тихо.

Я проверил револьвер и положил его в отделение для перчаток. Олли перезарядил его после экспедиции в аптеку, и хотя остальные патроны пропали вместе с ним, я решил, что оставшихся хватит. Револьвер выстрелил один раз в миссис Кармоди, один раз в эту тварь с клешнями и один раз, когда ударился о мостовую. В «Скауте» было четверо, но я решил, что, если уж нас совсем прижмет, для себя я найду какой-нибудь иной способ.

Несколько жутких секунд я не мог найти ключи. Я обшарил все карманы — их не было. Потом заставил себя проверить снова, медленно и спокойно. Ключи оказались в кармане джинсов — затерялись среди монет, как это иногда бывает с ключами. «Скаут» завелся сразу, и, услышав уверенный рокот двигателя, Аманда снова расплакалась.

Я немного погонял двигатель вхолостую, выжидая, какое еще чудовище может привлечь шум мотора или запах выхлопа. Прошло пять минут, самые длинные пять минут в моей жизни, но ничего не случилось.

— Мы поедем или будем здесь стоять? — спросила миссис Репплер.

— Поедем, — ответил я, вывел машину со стоянки и включил свет.

Какое-то неосознанное желание заставило меня проехать вдоль супермаркета у самых витрин, и правый бампер «Скаута» оттолкнул опрокинутый мусорный бачок в сторону. Внутри разглядеть ничего не удавалось — из-за мешков с удобрениями магазин выглядел так, словно мы попали сюда в самый разгар какой-то сумасшедшей распродажи товаров для садоводов, но из каждого проема на нас глядели два-три бледных лица.

Потом я свернул налево, и непроницаемый туман сомкнулся позади нас. Что случилось потом с этими людьми, я не знаю.

Осторожно, со скоростью всего пять миль в час, мы двинулись по Канзас-Роуд. Даже со включенными фарами и подфарниками дальше чем на семь-десять футов ничего не было видно.

Миллер оказался прав. Землетрясение действительно покорежило грунт. Кое-где дорога лишь потрескалась, но в отдельных местах встречались провалы с огромными вывернутыми из земли кусками асфальта. Слава богу, у «Скаута» привод на все четыре колеса, иначе нам бы не выбраться. Но я сильно опасался, что где-нибудь впереди нам встретится препятствие, которое не одолеет даже эта машина.

Сорок минут ушло на дорогу, которая обычно занимала не более семи-восьми. Наконец впереди показался знак, указывающий на поворот к нашему дому. Билли, которого подняли в четверть пятого, крепко заснул в машине, знакомой ему настолько, что, она, должно быть, казалась ему домом.

Аманда, нервничая, взглянула на дорогу.

— Ты действительно хочешь туда проехать?

— Хочу попробовать, — сказал я.

Но это оказалось невозможно. Пронесшаяся буря ослабила много деревьев, а тот

странный подземный удар довершил ее работу, повалив деревья на землю. Через два небольших дерева я еще перебрался, но вскоре наткнулся на огромную древнюю сосну, лежащую поперек дороги, словно это было делом рук лесных разбойников. До дома оттуда оставалось почти четверть мили. Билли продолжал спать рядом со мной. Я остановил машину и, закрыв лицо руками, принялся думать, что делать дальше.

Сейчас, когда я сижу в здании «Ховард Джонсонс», что у выезда номер 3 на шоссе, идущее через весь штат Мэн, и записываю все, что с нами случилось, на фирменных бланках отеля, я уверен, что миссис Репплер с ее опытом и выдержкой могла бы охарактеризовать безвыходность положения, в котором мы оказались, несколькими быстрыми штрихами. Но у нее достаточно такта и понимания, чтобы дать возможность мне самому прийти к соответствующему выводу.

Выбраться я не мог. Не мог оставить их. Я не мог даже уговорить себя, что все эти чудовища из фильмов ужасов остались там, у супермаркета: приоткрыв окно, я слышал, как что-то продирается сквозь заросли в лесу, раскинувшимся на крутом склоне, который в здешних краях называют карнизом. С нависающей листвы непрерывно капала влага, и на мгновение стало совсем темно, когда прямо над нами пролетел какой-то чудовищный, едва различимый во мраке воздушный змей.

Я пытался убедить себя в Том, что, если Стефани действовала быстро и наглухо закрылась в доме, ей должно хватить продуктов дней на десять, может быть, на две недели. Но это мало помогает. Мешает мое последнее воспоминание о ней: я вижу ее в мягкой соломенной шляпе, в садовых перчатках, на дорожке к нашему маленькому огороду, а позади нее неотвратимо накатывается с озера туман.

Теперь мне надо думать о Билли. «Билли, — говорю я себе, — Большой Билл, Большой Билл...» Я должен написать его имя на этой бумаге, может быть, сотню раз. Как школьник, которого заставили писать фразу: «Я не буду плевать промокашкой в школе», когда в окна льется трехчасовая солнечная тишь, а за своим столом сидит, проверяя домашнее задание, учительница, и единственный звук в классе — это скрип ее авторучки да долетающие откуда-то издалека голоса детей, делящихся на команды для игры в баскетбол...

В конце концов я сделал тогда единственное, что мне оставалось. Осторожно вывел «Скаут» задним ходом на Канзас-Роуд. И там заплакал.

— Дэвид, мне очень жаль... — сказала Аманда, тронув меня за плечо.

— Да, — сказал я, пытаюсь безутешно остановить слезы. — Мне тоже...

Мы проехали по шоссе номер 302 и свернули налево, к Портланду. Дорога здесь тоже потрескалась и местами разрушилась, но в целом она оказалась более проходимой, чем Канзас-Роуд. Меня беспокоили мосты. Но дамба у Нейплса устояла, и оттуда мы без осложнений, хотя и медленно, добрались до Портланда.

Туман оставался таким же густым. Один раз пришлось остановиться, потому что мне показалось, будто поперек дороги лежат деревья. Но потом стволы начали двигаться и изгибаться, и я понял, что это щупальца. Мы подождали, и через какое-то время они уползли. Потом на капот опустилась большая тварь с переливчатым зеленым туловищем и длинными прозрачными крыльями, смахивающая на огромную уродливую стрекозу. Она посидела немного, потом взмахнула крыльями и унеслась прочь.

Часа через два после того, как мы оставили позади Канзас-Роуд, проснулся Билли и

спросил, добрались ли мы до мамы. Я сказал, что не смог проехать по нашей дороге из-за упавших деревьев.

— С ней ничего не случилось, папа?

— Я не знаю, Билли. Но мы еще вернемся и узнаем.

Он не заплакал, а снова задремал, и я подумал, что лучше бы он все же заплакал: Билли спал слишком много, и меня это беспокоило.

От напряжения у меня разболелась голова. От напряжения, вызванного продвижением в тумане со скоростью пять-десять миль в час и полным незнанием того, что может ждать нас впереди: обвал, оползень или какая-нибудь трехголовая гидра.

К полудню мы добрались по свободной дороге до самого Норт-Уиндема. Я попытался проехать по Ривер-Роуд, но мили через четыре нас остановил рухнувший в воду мост над небольшой шумной речушкой. Почти целую милю пришлось ехать задним ходом, прежде чем я нашел место достаточно широкое, чтобы развернуться. В конце концов мы двинулись к Портланду по шоссе номер 302.

Добравшись до города, я проехал к заставе. Аккуратный ряд будок, где принимают плату за проезд, с остатками выбитых стекол выглядел, словно пустые глазницы. Во вращающейся двери одной из них застряла куртка с эмблемами Мэнской заставы, пропитанная высыхающей кровью. По дороге от супермаркета мы не встретили ни одного живого человека.

— Попробуй радио, Дэвид, — сказала миссис Репплер.

Я хлопнул себя по лбу, сердясь за то, что не подумал об этом сразу.

— Не стоит себя ругать, — коротко сказала миссис Репплер. — Ты не можешь думать обо всем сразу. А если будешь пытаться, то вообще с ума сойдешь и ничем не сможешь нам помочь.

На коротких волнах я не поймал ничего, кроме статики, а на длинных царило ровное зловещее молчание.

— Значит, они вообще не работают? — спросила Аманда, и мне показалось, я понял, что она имеет в виду: мы отъехали достаточно далеко на юг и могли бы принимать сразу несколько мощных Бостонских радиостанций. Но если Бостон тоже...

— Это пока еще ничего не значит, — сказал я. — Статика на коротких — это просто помехи. Кроме того, туман гасит радиосигналы.

— Ты уверен, что этим все объясняется?

— Да, — ответил я, хотя совсем не был уверен.

Мы двинулись на юг мимо столбов с отметками расстояния, начавшими свой отсчет примерно от сорока миль. У отметки «1 миля» должна быть граница Нью-Гемпшира.

Минут двадцать второго, когда я начал уже ощущать голод, Билли вдруг схватил меня за руку.

— Пап, что это? Что это?

Впереди выросла тень. Огромная, как скала, она двигалась в нашу сторону. Я ударил по тормозам, и задремавшую было Аманду бросило вперед.

Что-то шло мимо, лишь это я могу сказать с уверенностью. Отчасти потому, что туман позволил разглядеть детали только мельком, но я думаю, с таким же успехом можно объяснить это и тем, что некоторые вещи наш мозг просто не приемлет. Бывают явления настолько темные и ужасные — равно как, я полагаю, и невероятно прекрасные, — что они просто не могут пройти через крошечные двери человеческого восприятия.

Существо было шестиногое, это я знаю точно, с серой кожей, местами в темно-коричневых пятнах. Эти коричневые пятна, как ни странно, напоминали мне пятна на руках миссис Кармоди. В коже в глубоких морщинах и складках жались сотни розовых тварей с глазами-стебельками. Одна сморщенная нога опустилась рядом с машиной, и миссис Репплер сказала позже, что так и не смогла рассмотреть туловище, хотя и тянула шею изо всех сил. Она увидела только две циклопические ноги, уходящие в туман, словно живые колонны.

Когда это существо прошло над «Скаутом», у меня создалось впечатление, будто оно настолько огромно, что синий кит по сравнению с ним будет выглядеть как форель. Другими словами, что-то такое огромное, что ни под силу никакому воображению. Потом оно миновало нас, но мы еще долго слышали его сотрясающую землю поступь. В покрытии дороги остались такие глубокие следы, что из машины я даже не видел их дна, в каждый след вполне мог поместиться автомобиль.

Какое-то время стояла тишина, нарушаемая лишь звуком нашего дыхания и шагами удаляющегося чудовища. Потом Билли спросил:

— Это был динозавр, папа? Как птица, которая прорвалась в магазин?

— Не думаю. Я не уверен даже, что животное таких размеров когда-либо существовало, Билли. По крайней мере на Земле.

Я снова вспомнил о «Проекте Стрела», задавая себе вопрос: «Чем эти сумасшедшие могли там заниматься?»

— Наверное, нам стоит ехать? — спросила Аманда робко. — Оно может вернуться.

Да. А может быть, нечто подобное ждет нас впереди. Но говорить об этом я не стал. Куда-то нужно было двигаться, и я погнал машину вперед, объезжая эти жуткие следы, пока они не ушли в сторону от дороги...

Это почти все, и остался лишь один момент, о котором я хотел рассказать, но чуть позже. Хочу предупредить, чтобы вы не ожидали какого-нибудь аккуратного финала. Здесь не будет фраз типа: «И они выбрались из тумана в яркий солнечный новый день». Или: «Когда мы проснулись, прибыли наконец солдаты национальной гвардии». Или даже классического: «Все это случилось во сне».

Я полагаю, это можно назвать как, хмурясь, говорил мой отец, «Финалом в духе Альфреда Хичкока». Под таким определением он подразумевал двусмысленные финалы, позволяющие зрителю или читателю самому решать, как все закончилось. Отец всегда презирал такие истории, называя их дешевыми трюками.

До «Ховард Джонсонс» у выезда номер 3 мы добрались уже в сумерках, когда вести машину стало просто опасно. Перед этим мы рискнули проехать по мосту через Сако. Выглядел он сильно поврежденным, но в тумане невозможно было разглядеть, цел он или нет. В этот раз нам повезло.

Сейчас уже ночь, без четверти час. Двадцать третье июля. Буря, послужившая сигналом к этому кошмару, пронеслась всего четыре дня назад. Билли спит в холле на матрасе, который я для него отыскал. Аманда и миссис Репплер спят рядом. Я сижу и пишу при свете большого карманного фонаря, а снаружи бьются в стекло все те же розовые твари. Время от времени раздается более громкий удар, когда одну из них подхватывает «птица».

В баке осталось горючего еще миль на 90. Придется заправляться здесь. Совсем рядом есть заправокная «Эксон», и, хотя электрические насосы не работают, думаю, я смог бы

откачать из хранилища немного бензина. Но...

Но это означает, что придется выходить из машины.

Если мы добудем бензин — здесь или дальше по пути, — мы сможем продолжать двигаться. Дело в том, что у меня есть цель. Это последнее, о чем я хотел рассказать.

Конечно, я не уверен до конца. В этом-то вся и загвоздка. Может быть, меня подвело воображение, выдав желаемое за действительное. Но даже если это не так, шансы все равно невелики.

Сколько миль еще впереди? Сколько мостов? Сколько страшных тварей, только и ждущих, чтобы наброситься на моего сына?

В комнате управляющего я нашел батарейный приемник с широким диапазоном, антенна от которого была выведена через окно на улицу. Включив приемник, я перевел его на питание от батареек, покрутил настройку, пощелкал переключателями диапазонов, но кроме статики или просто молчания, так ничего и не поймал.

И когда я уже собирался выключить его, перегнав движок в самый конец коротковолнового диапазона, мне показалось, что я расслышал одно единственное слово.

И все. Я ждал целый час, но больше ничего не услышал.

Если это одно-единственное слово действительно прозвучало, оно, должно быть, прорвалось через какой-то крошечный разрыв в гасящем радиоволны тумане, разрыв, который тут же снова сомкнулся.

Одно слово.

Мне надо поспать... Мне надо проспять до утра, если меня не будут преследовать во сне лица Олли Викса, миссис Кармоди, носильщика Норма... И лицо Стефф, на которое падает тень от широких полей соломенной шляпы.

Здесь есть ресторан, типичный для отелей «Ховард Джонсон», ресторан с обеденным залом и длинным в форме подковы прилавком с закусками. Я собираюсь оставить эти страницы на прилавке и, может быть, когда-нибудь кто-нибудь их найдет и прочтет...

Одно слово.

Если я действительно его слышал. Если только. Надо ложиться спать. Но сначала я поцелую сына и шепну ему на ухо два слова. Знаете, чтобы не случилось ничего плохого.

Два слова.

Одно из них, то самое, что я услышал: «Хартфорд».

Другое слово: «Надежда».